

18+

ЭРНЕСТ МЕЛЬЦ

КУКЛОВОЕ

Эрнест Мельц

Кукловод

«Издательские решения»

Мельц Э.

Кукловод / Э. Мельц — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985907-5

Дарен вырос в детдоме и, покинув его, оказался на обочине жизни. Но он не бунтует против жестокой действительности, так как уверен: все предопределено и ничего не изменить. Дарен принимает себя тем, кто он есть, и просто живет, стараясь радоваться мелочам, ведь на большее рассчитывать все равно не приходится. И все же у него есть заветная мечта. Когда она внезапно исполняется, вместо радости Дарен почему-то чувствует лишь пустоту. Чтобы заполнить ее, ему придется познакомиться со своей тенью... Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-985907-5

© Мельц Э.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	22
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Кукловод

Эрнест Мельц

Корректор Ксения Ложкина

Дизайнер обложки Мария Бангерт

© Эрнест Мельц, 2020

© Мария Бангерт, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-5907-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Мы все живем в одном мире. В одной вселенной, на одной планете, в одно и то же время. Мы все – люди. И ничто человеческое нам не чуждо. Мы созданы по образу и подобию, если изволите. Но при всем при этом мы разные, уникальные, особенные. Связанные друг с другом пространством и временем, мы при этом живем в разных мирах. В фундаменте нашего мира лежит история, у каждого своя, и в течение всей своей недолгой жизни кирпичик за кирпичиком мы возводим себе новый дивный мир: из тех мест, где побывали, и людей, с кем довелось общаться, из книг, что смогли прочитать. Это делает нас уникальными. В основе самого принципа уникальности лежит несовершенство. Совершенство подразумевает идеал, признанный, а значит, единый. А идеал, ровно как и совершенство, у каждого свой.

Мы все несовершенны. Вся наша жизнь состоит из недоделок. Мы сами лишь пародия на свой идеал. Мы не можем ничего довести до конца. Мы не можем познать все на свете, обладать всеми знаниями. Мы даже в любой конкретной области неспособны разобраться до конца. Мы не в силах даже полностью овладеть своей профессией. Все, что мы создаем, – промежуточный продукт. Мы не можем что-то создать и сказать: «Я познал мир, и это вершина моего творения». Через год ты посмотришь на это по меньшей мере со снисхождением и, если получится, хватит сил, желания и терпения, сделаешь что-то лучшее. Все меняется. Но даже если взять изначально конечный продукт и разобраться в нем, то и здесь нас ждет сюрприз. Мы не можем даже побывать во всех странах. Как показала история – их количество и статус крайне непостоянны. Ничто не совершенно, но в этом и есть соль нашей Земли.

Мир бесконечен в своем разнообразии. Однако конечны мы. И, казалось бы, что, если не самого себя, нам дано познать в этом мире до конца?

Наш собственный мир, как лоскутное одеяло, соткан из случайных событий, встреч и принятых решений. Пытливый мозг всегда ищет причину следствию. Один верит в судьбу, иной – в случай. Один всегда находит причины, а иной уповает на злой рок. Но даже если никаких связей нет и все, что произошло, – череда случайностей, это еще не значит, что в том не было провидения. И то и другое оправданно, истина же непостижима.

Пролог

Ленивый, безвольный, бесцельный дым сочился тонкой струйкой из зажженной сигареты. Пепел замер в оцепеневшем безмолвии, скопившись на самом краю, не в силах сделать первый шаг. Тонкие белые пальцы с ярким красным маникюром неподвижно держались за край сигареты. Застывшая фигура женщины в темном помещении. Лишь свет фонаря за окном, пробивающийся сквозь густую листву искореженного судьбой дерева, освещал стеклянный ее взгляд. Все замерло в ту минуту. И только тысячи мыслей проносились скорым поездом в глазах вечерней гостьи. Ничто не нарушало тишины. Ни шороха, ни стука, ни голоса. Лишь тихий стон застарелого рефрижератора напоминал о реальности этого момента. Ее мысли были далеко от этого места. И пусть люди не верят в путешествия во времени, любой мог поклясться, что ее не было в том миг в помещении.

В лицо девушки било жаркое июльское солнце. Она бегала по саду, влюбленная в мальчишку, вдыхала аромат кустистых роз, ощущала прикосновения его огрубевших от работы рук на своих щеках и бархат его губ на своей шее.

Предсмертные судороги старого советского холодильника разрушили всю магию этого момента.

Девушка посмотрела сначала на белеющий силуэт в углу, затем взгляд упал вглубь квартиры. Она сидела за столом необремененной бытом кухни, из удобств которой был лишь круглый стол с двумя стульями, навесной шкаф и старая газовая плита, с которой она уже успела познакомиться.

Девушка сделала свою первую затяжку, тут же поперхнувшись, встала со стула и затушила сигарету под струей воды. Пепел упал на старую клеенчатую скатерть, но был неспособен ей навредить. Время уже сделало это задолго до него. Секунду помешкав, она сунула остаток сигареты в карман. Помимо узких джинсов с высокой талией, на ней была светлая блузка и туфли. Девушка вышла из кухни, оказавшись в просторном коридоре. Посмотрела направо, вглубь комнаты, взглянула на часы и вышла из квартиры. Металлические набойки на каблуках быстро отчеканили восемь ступеней и устремились прочь из этого места.

Еще полчаса пыль, поднятая скорыми шагами, ложилась на свои привычные места. Дым от сигареты развеялся тонким покрывалом по белому потолку, затерявшись в поросших паутиной углах. И вот вновь ничто не нарушало покоя этого помещения.

Раздался скрежет ключей в замочной скважине, дверь отворилась, и пыль снова, оскорбленная таким бестактным вторжением, взмыла в воздух. В помещение вошла та же девушка, но на этот раз на ней была черная толстовка с капюшоном, все те же узкие джинсы и туфли на каблуках. Черный балахон был явно не по размеру, и могло сложиться впечатление, что она купила его пять минут назад на ближайшем блошином рынке. Но было в нем что-то бунтарское, и чувствовалось, что, если это и была скорая покупка, она все же не была лишена некоторого стиля, и, быть может, не подходит он так к ее лицу, клубы пыли так и не успели бы осесть в коридоре.

В ее руках был холщовый мешок, с каким и по сей день собирают урожай картофеля, и пара хозяйственных перчаток. Она в спешке натянула их на руки, непривычно скрыв свой модный маникюр, и ушла в соседнюю комнату. Девушка провозилась там некоторое время и, судя по звукам, прикладывала немалые и непривычные ей усилия. Один раз она выбралась на кухню, продышаться, хотела открыть окно, уже потянулась к ручке, но тут же остановилась, попятилась вглубь кухни, наклонилась, опершись на свои колени, словно пробежала стометровку. Ее дыхание было частым, и невозможно было различить, что было тому виной – физические упражнения, страх или недавняя сигарета. Она поднялась и заглянула в холодильник. Он был ожидаемо пуст. На полках было три яйца, какие-то мази и пакет с молоком. К ее удив-

лению, молоко оказалось свежим, пакет даже не был открыт. Она повернула крышку и сделала три жадных глотка. Вытерев белые капли с губ о черный рукав своей новой кофты, она поставила пакет на стол и снова пошла в комнату. Уже пару минут спустя она волокла за собой по длинному коридору старый холщовый мешок, доверху забитый чем-то и туго связанный вокруг себя. На очередном шаге девушка чуть не подвернула ногу, поскользнувшись на каблуках. Затем выпрямилась, подперев поясницу, и снова посмотрела на часы. Она оглянулась по сторонам, словно искала что-то, и взгляд упал на пару обуви, аккуратно стоявшую в самом углу. Это были старые поношенные мужские ботинки. Они еще были на ходу, и по внешнему виду можно было сделать вывод, что за ними трепетно ухаживали.

Недолго раздумывая, девушка скинула туфли и натянула черные ботинки. Они были сильно велики, и пришлось туго затянуть шнурки, чтобы те не свалились при ходьбе. Свои туфли она сунула в просторные карманы черной кофты, так удачно оказавшиеся при ней. Стоили ли они еще нескольких минут? Скорее, это было удачным совпадением. Еще пара минут, и пыль снова могла спокойно расползтись по своим углам.

На улице стояла непроглядная ночь, какие нередко бывают жарким летом. Не было ни ветра, ни дождя, ни полной луны, ни громких голосов – ничего. Все словно вымерло вокруг. Лишь в одном окне второго этажа дома мерцали блеклые огни телевизора. Густые деревья, пустой подъезд и усталое шарканье мужской подошвы по асфальту. Темная фигура украдкой вошла в тяжелую железную дверь, что в первый раз за свою историю закрыли беззвучно. Девушка вошла в квартиру, огляделась по сторонам и вновь прошла по всем комнатам. Их было две, не считая кухни. Направляясь к выходу, она скинула мужские ботинки, которые стали еще тяжелее от налипшей земли. Обернувшись, посмотрела в сторону кухни. На столе все еще стоял открытый пакет молока, и девушка пошла за ним. Добравшись до стола, она почувствовала внезапную усталость и непреодолимое желание сесть, отдохнуть, словно на плечи взвалили тяжелый, как мешок картошки, груз. Она села на стул. Сняла перчатки. Под ними еще сверкал красивый маникюр, и, лишь приглядевшись, можно было различить грязь, проступившую сквозь перчатки, и пару сломанных ногтей. Ее руки свисали с плеч словно две непослушные плети. Приходилось быть сосредоточенной, чтобы ими шевелить. Девушка взяла пакет с молоком и сделала три отрешенных глотка. Полегчало. Она снова хотела курить. Сперва подалась в сторону соседней комнаты, но опомнилась и, опустив руку в карман, достала свою недокуренную сигарету. Несколько секунд потребовалось, прежде чем она смогла вновь поджечь отсыревший огрызок от газовой конфорки. Девушка села за стол и так и не смогла сделать ни единой затяжки. Мысли снова были далеко от этого места. Мокрая сигарета медленно тлела в ее руке, пока она не почувствовала тепло на своих уставших пальцах. На улице светало, и, почувствовав первые лучи на своем лице, девушка не сразу пришла в себя. В своих мыслях она еще убегала от юноши сквозь бесконечные лабиринты кустистых роз под звонкий девичий смех. Это был ее смех. Далеким. Она едва могла его слышать. С каждым шагом смех все больше ускользал. И вот она уже его не слышит, а только помнит, как он звучал, как он был ярок и прекрасен. Остались лишь воспоминания.

Раздался резкий всхлип вечно умирающего холодильника, и девушка наконец пришла в себя. Окинула взглядом кухню. Посмотрела на пакет с молоком, мирно стоявший перед ней в самом центре стола, и захотела его убрать. Она поднялась со стула и потянулась за ним, ухватившись одной рукой. Сквозь бесконечную, нависшую над пустотой тишину вдруг раздался скрежет металла. Девушка с ужасом повернулась в сторону коридора и выронила пакет из руки. Тот плюхнулся на стол, поколебался из стороны в сторону и замер, оставив пару белых, как жемчуг, капель на престарелой скатерти. Девушка стояла немой силуэтом напротив окна, с ужасом вглядываясь в проход. На полу коридора появилась сначала тонкая полоска света, затем дверь отворилась полностью, продолговатая человеческая тень закрыла проход.

Глава 1

У меня было самое счастливое детство. Сами посудите: я все время играл со сверстниками, у нас было много игрушек, и мы всегда ими делились, вернее, они изначально были общими. И пусть они не всегда были новыми, для ребенка это совсем неважно. На улице мы часами могли играть с обычной палкой, искренне радовались каждому из ее концов, не обращая никакого внимания на все остальные игрушки. Телевизор мне практически не разрешали смотреть, за исключением передач о природе, поэтому о новомодных игрушках я попросту не знал, и мне не с чем было сравнить.

Меня всегда кормили полезной и здоровой едой, пусть не всегда вкусной, но я знал, что это для моей же пользы. По известной уже причине я также не знал о существовании всяческих новомодных сладостей, а первый сникерс я попробовал лишь в пятнадцать лет. Я всегда ложился и вставал вовремя, у меня был режим, поэтому я рос здоровым, крепким парнем. Среди моих друзей было много девочек, мы всегда играли вместе, но, когда я чуть подрос, нас разделили по корпусам. Тогда я не знал почему. В принципе, я и сейчас не знаток в таких делах, но тогда мне было просто обидно.

За мной всегда ухаживали и вообще все делали для моего блага, и детство мое было действительно счастливым. Вот только оно быстро закончилось. В один миг. Признаться, я не помню этот миг, даже день тот припоминаю с трудом. Помню только, что все закончилось. Все встало на свои места, и самое обидное было то, что среди всей этой организованной процессии для меня никакого места отведено не было. Тогда я не осознавал всей ситуации, не мог посмотреть на себя со стороны, ужаснуться. Реальность просто обрушилась на мою голову всей своей бесконечной массой, и я не смел поднять головы. Погруженный в собственные переживания, я все больше замыкался. Я чувствовал себя брошенным, подкидышем, никому не нужным ублюдком, которого никто в этом мире не любит и никогда не любил вовсе. Оглядываясь на свое столь резко оборвавшееся детство, я лишь с большей силой убеждался в бессмысленности своего существования. Меня никто не любил, пусть даже меня со всех сторон окружали тепло и забота множества людей, которую далеко не каждый родитель способен проявить. Но ведь не было тех людей, которые любили бы только меня, безоговорочно и бесцеремонно, только меня одного. А коли не было таких людей, то и весь мир казался чуждым и враждебным, ведь те люди и были бы для меня всем миром.

А, забыл сказать, я вырос в детском приюте.

Я не знал своих родителей. В приюте я был чуть ли не с самого рождения. Надо мной подшучивали и дразнили, что я, мол, ублюдок одного из работников приюта. А то, что ко мне относились немного лучше, чем к остальным, могло говорить о том, что моим отцом мог быть сам директор. Но он был беспробудным пьяницей, и я сильно в этом сомневаюсь, по крайней мере, мне бы очень не хотелось так думать. Мне всегда казалось, что меня любят за то, что я себя хорошо веду и с улыбкой делаю все, о чем меня просят, никогда не капризничаю за едой и уплетаю все за обе щеки. Особенно я любил рисовую кашу, ее никто не переваривал, а я ел с огромным удовольствием и даже помогал с ней управиться другим ребятам, пока никто не видел. Нам не разрешали так делать и наказывали сразу обоих, если замечали, ведь мы росли в атмосфере равенства, и если тебе положена миска похлебки, то будь любезен, ни больше, ни меньше.

«Это все для вашего блага!» – так нам говорили, чтобы мы все росли здоровыми и счастливыми и не чувствовали себя в чем-либо ущемленными. А кашу я любил по большей части из-за молока. Я его очень любил в любом виде. И даже теплое молоко выпивал быстрее всех, а запекшуюся пленку я съедал сразу, целиком, чтобы она не перебивала вкус и не портила наслаждения от каждого последующего глотка. Пусть молоко было разведенным, это неважно,

тогда я и не знал, собственно, что бывает другое, и был счастлив. Я и сейчас очень люблю молоко.

Никто не знал, кто были мои родители, даже тетя Лиза, а она-то знала все, что происходило и о чем говорили в приюте, даже чаще, о чем молчали, ведь она психолог, она общалась со всеми и с каждым, от детей до руководства. Она так и сказала:

– Дарен, я не знаю, кто твои родители, но говорят, что они даже не из этой страны. Кто знает, может, они были студентами по обмену, например, из Франции.

– А кто так говорит, тетя Лиза?

– Я сказала «говорят»? А может, и не говорят вовсе, а только думают? Как считаешь?

Тетя Лиза всегда любила загадки, признаться, и я их тоже любил. Она часто мне их загадывала на наших занятиях, но как бы близко я ни подходил к их решению, тетя Лиза никогда мне их не раскрывала.

«Ты очень умный мальчик, Дарен. Подумай хорошенько, как ты сам считаешь? – все время она отвечала на мои вопросы. – Спроси себя самого, возможно ли это, действительно ли это так?»

И я спрашивал, постоянно спрашивал. И порой мне казалось, что кто-то отвечал. Так было и в тот раз, когда я спросил про родителей. Она ничего мне не ответила, а выходя из комнаты, стала напевать какую-то мелодию. Может, то была случайность, ничего не означающая, но мне почему-то это запало в память.

Тем же вечером нам показывали кино. Это был французский фильм, и в конце звучала именно та мелодия, что напевала тетя Лиза. Я понял, что это была подсказка и что, возможно, моими родителями были именно студенты из Франции.

А может, это было совпадение, и она непроизвольно напела эту мелодию, выходя из кабинета, поскольку наверняка смотрела этот фильм прямо перед тем, как его нам показали. Ведь она детский психолог и должна дать свое добро на все, что нам собираются показать.

Я прекрасно помню этот день, когда появилась моя заветная мечта – во что бы то ни стало попасть во Францию. То была мечта, которой не суждено было сбыться. Много ли сирот становятся успешными людьми и могут позволить себе путешествовать по миру? Мое место в обществе было предрешено, и не то чтобы ты особенного сорта человек, просто события и люди, участвующие в этих событиях, всячески обтачивают и прибивают тебя к земле, да так, что головы не поднять, и ползать удастся с трудом, разве что зарыться в землю совсем. Но пока я был ребенком, мало этого замечал и уж точно не мог представить, как это на мне может сказаться в будущем.

По большому счету я не был уж так несчастлив. Я очень любил играть со сверстниками, но все же больше мне нравилось быть в младшей группе. Я очень любил детей, хоть и сам был еще ребенком. Но жизнь в приюте быстро тебя закаляет. Поэтому я старался помогать, чем только мог, ребятам из младшей группы и следил, чтобы их не обижали и не отнимали игрушки. Младшие любили меня за это и всегда радовались, когда я к ним приходил. Но со временем они стали ко мне холодны, а кто-то и вовсе стал избегать. Я не понимал этого тогда и не понимаю сейчас. Однажды даже попытался заговорить с одним мальчуганом, которому на прошлой неделе я помог собрать кубики. Мы тогда много веселились и прекрасно провели время. Каково было мое удивление, когда, как только я подошел к нему, он, до того веселившийся со своими сверстниками, вдруг поник головой и, не сказав ни слова, убежал к себе. После второго и третьего подобного случая я перестал удивляться и вскоре вовсе не обращал на это внимания.

Я стал больше замыкаться в себе, проводить время в одиночестве и даже в шахматы начал играть с самим собой. Я очень любил эту игру. Поначалу мне не хватало напарника, но ко всему привыкаешь, и я мог часами сидеть в углу один, продумывая ходы, изобретая ловушки для самого себя, неподдельно злился, попадаясь в них, и искренне радовался своим победам.

Напарник, к моей радости, был не очень силен в шахматах, и я чаще побеждал. Здорово придумано, а?

Никто не проявлял ко мне никакого интереса, а я и рад был. Даже воспитатели меня старались не беспокоить. Изредка я замечал, как они перешептывались в сторонке, глядя на меня. Но мне приятно было думать, что они просто восхищаются тому, насколько я умный и как выгодно отличаюсь от сверстников. Это придавало мне чувство превосходства, некой уникальности, и я упивался этим чувством, все с нарастающим интересом и огнем в глазах ведя свои пешки в смертельный бой.

В приюте нас также заставляли посещать церковные классы. Многие не любили их, впрочем, они и остальные занятия несильно жаловали. Я же относился к чтению Библии настолько серьезно, насколько это может делать ребенок. Для меня это были просто красочные рассказы, в которые взрослые вкладывали определенный смысл. Он мне, конечно же, был не всегда понятен, но я с уважением относился к диакону Всеволоду, проводившему наши чтения, поэтому старался делать все, как он велел: заучивал «Отче Наш», «Символ Веры», зачитывался канонами к святому причащению. Они были совсем не обязательными, но мне хотелось выделяться и лишний раз угодить ему. Возможно, тому было причиной то, что я носил его фамилию и формально считался его сыном.

Меня принесли в приют еще младенцем, при мне не было никаких документов, и диакон Всеволод, как заведено, встававший с первыми лучами, нашел меня у дверей. Оттого и имя, и фамилия моя на церковный лад – Дарен Агафьев. Тот еще подарочек. Диакон всегда поддерживал меня и хотел воспитать с Богом в сердце, но никогда не давил и не принуждал больше времени уделять Библии. Даже наоборот, завидев меня рано утром перед классом с молитвословом в руках, гнал на улицу играть со сверстниками. Может, он не желал мне повторения своей судьбы. В этом проявлялась его доброта, но это я понимаю сейчас. Тогда же я просто со слезами на глазах смотрел в его доброе лицо и убегал прочь. Его голубые глаза были единственным ярким цветным пятном в его образе. Облаченный в черную рясу и со знатной бордой, он был образцом смирения и благочестия. Казалось, он никогда в своей жизни не злился, и оттого на лице его даже не было ни одной морщинки. Но, как мне потом рассказывали, он не всегда был религиозным, в истории его были моменты и отчаяния, и неверия, и даже отрицания. И большая татуировка на плече у него не сама собой возникла.

Как и в церковных классах, на всех занятиях я старался изо всех сил. Наша воспитательница сказала однажды, что только учеба в силах сделать из нас людей, хоть чем-нибудь полезных для этого общества. Я же очень хотел угодить всем сразу, поэтому всегда учил уроки и тянул руку на занятиях. Говорят, что маленькие дети могут быть очень жестокими, оттого что не понимают, что являются таковыми. Я же могу заметить, что это способен оценить лишь взрослый. Будучи в начальных классах, я не то что не замечал подтрунивания сверстников, но скорее не придавал им значения, не в силах это осознать. Лишь в старших классах, когда невинные, хоть и жестокие издевки переросли в угрозы, нередко в мелочах реализованные, я задумался. Передо мной встал первый конфликт интересов, в котором я уже не мог угодить всем. Учителя радовались моим успехам, а сверстники злились. И, так как большую часть времени я все же проводил со вторыми, я счел угрозы от них более весомыми в своей дилемме и решил угодить им. Так мои оценки резко ухудшились, а ненужное внимание сверстников поменяло свою цель, точнее будет сказать, мишень. Если раньше хотя бы в классах я мог общаться, то теперь и здесь был вынужден держать язык за зубами, пока еще было за чем их держать. Я стал еще более замкнутым, но, когда ты ребенок, этого не осознаешь, ты лишь приспособливаешься.

А признаться, я не могу сказать, что испытывал сильный дискомфорт от такой ситуации. Наоборот, в уединении я находил много для себя интересного. Я мог окунуться в мир своих фантазий, путешествовать по всему свету, я даже мог очутиться на вершине Эйфелевой

башни, о которой читал в книжках. Я представлял себя, сидевшим на самом краю, свесившим ноги и безмятежно любовавшимся открывавшемся видом, прищурившим глаза от слепящего солнца. В этот момент мне представлялось, что ко мне подходят мужчина и женщина, я смотрю на них и узнаю своих родителей, мы обнимаемся и плачем, обязательно плачем. Уж и не знаю, как бы я узнал родителей, это даже не приходило в мою светлую голову. Вглядываясь в их лица, я никогда не мог их различить. Детали их лиц ускользали от меня, но вот прочие детали были четкими. Моя мама со светлыми, аккуратно уложенными волосами, одета в легкое желтое платье в большой красный горошек. На ее руке браслет, привезенный из Африки, они с папой много путешествуют. Там они и познакомились, в экспедиции по Лимпопо. Мой папа в светлых льняных брюках, затянутых светло-голубым плетеным поясом. На нем бежевый льняной пиджак с закатанными рукавами. Он держал одну руку в кармане, и я видел, что он что-то в ней прячет, какой-то подарок для меня, который они привезли из своей новой экспедиции в лесах Аргентины, где по случайному стечению обстоятельств так надолго задержались. И вот они протягивают ко мне свои руки, но я все равно не вижу их лиц, солнце светит из-за их спин и слепит меня. Я щурюсь еще больше, но все равно не могу их разглядеть. Они обнимают меня, и больше мне не нужно никуда смотреть, я закрываю глаза и склоняю голову на плечо своей мамы. Я чувствую их любовь, и мне уже неважно, как выглядят их лица. Я чувствую учащенное биение их сердец, как мое невпопад еще с большим рвением отстукивает приветственную дробь любви и как с каждой секундой беспорядочное перестукивание становится все более размеренным, осознанным, и вот уже наши сердца бьются в такт, медленно, церемонно. Как от дыхания могучий торс моего отца еще сильнее сжимает меня в объятиях. Я уже перестаю об этом думать, как вдруг нахожу себя блуждающим в своих фантазиях и прихожу в себя. Открывая глаза, я был счастлив еще несколько секунд, пока реальность не настигала меня. На глазах выступали слезы, и я бежал, бежал вперед не оглядываясь, пытаюсь догнать то видение, убежать из этого места, и теплый ветер обдувал слезы по моим щекам, словно нежные, заботливые ладони мамы.

Я очень много читал, в основном по учебе, и проводил много времени в размышлениях. Наверное, от этого я порой чувствовал себя усталым и то и дело засыпал на ходу. Чаще всего я даже этого не замечал и отрубался сидя на кресле или за игрой в шахматы. Но однажды я уснул в классе, прямо на занятиях. Когда я проснулся, весь класс смотрел на меня, пока кто-то не выкрикнул: «Вот чудила!» И весь класс засмеялся. Мне было очень стыдно. И больше всего за то, что учительница так же с неодобрением и даже с неким недоверием и растерянностью смотрела на меня. Она ничего не сказала, но по ее взгляду я понял, как сильно ее разочаровал.

Помимо учебных и церковных классов, в обязанности каждого из воспитанников вменялось посещение психолога. В основном эти занятия сводились к откровенной, но незатейливой беседе, зачастую даже в игровой форме. Я рассказывал тете Лизе все, что происходило со мной, а она что-то записывала в своем блокноте. Мне никогда не удавалось подглядеть ее записи, но порой мне казалось, что она просто рисует что-то беспорядочное на полях, коротая время. Не думаю, что мои рассказы и детские переживания хоть сколько-то были ей интересны. В старших же классах, когда мне было четырнадцать лет, к нам пришла практикантка. Девушка лет двадцати, ее звали Рита. Она была довольно привлекательной, по крайней мере, она была как минимум лет на сорок моложе Елизаветы Андреевны. Всем парням она сразу понравилась, и я, понимая, что не хочу конкурировать с ними и привлекать к себе лишнее внимание, делал вид, что просто ее не замечал. К сожалению, это невозможно было делать на наших беседах, но даже там я чаще хранил молчание, не решаясь с ней заговорить и даже лишний раз взглянуть в ее сторону.

В один из таких дней я пришел на беседу заблаговременно, стараясь быть пунктуальным и не раздражать никого ненужным ожиданием. Я сидел напротив кабинета, уставившись в окно, и наблюдал за тем, как несчастная муха бьется о стекло, пытаясь улететь. Невиди-

мая преграда сдерживала ее, а она продолжала кружить, преследуемая одной целью. Каждый удар ее был слабее предыдущего, потом она уставала и садилась на стекло. Она должна была почувствовать эту преграду и искать другой путь. «Обернись! Вокруг тебя целый мир, лети!» Но отдохнув, она с новыми силами устремлялась навстречу своей невидимой цели, не обращая никакого внимания на горстку бездыханных собратьев, усеявших своими иссохшими тельцами весь подоконник. В тот момент я был той самой мухой. Ведомый непонятым стремлением стать лучше, я каждый раз ударялся лицом о невидимую преграду. И я, так же, как та муха, не осознавал этого, продолжая свои тщетные попытки вырваться из оков своего наследия и стать нормальным, таким же, как все.

За дверью послышалось движение, ручка наклонилась, и из-за двери показалась Рита. Она проводила своего пациента и посмотрела на меня. На секунду наши взгляды встретились, я улыбнулся ей в ответ, привставая со скамейки. Но в следующее мгновение я с грохотом плюхнулся обратно, когда только что вышедший парень нарочно толкнул меня в плечо.

– Придурок! – послышался презрительный шепот.

Я вскочил с места и уставился на него. Он резко обернулся и встал предо мной, смотря прямо в глаза:

– Что ж ты такой неосторожный, Дарен? Все время спотыкаешься!

Несколько секунд мы смотрели друг другу в глаза, и я чувствовал его насмехающийся тон и надменный взгляд.

– Да, я сам виноват, прости меня. – Я отвел в сторону голову и потупил взгляд, уставившись в пол.

– Да ничего, Дарен, мы же друзья! Будь здоров! – Он сделал разворот на месте, сунул руки в карманы и торжествующей походкой удалился прочь.

Я стоял и думал, что в этот момент на меня смотрит Рита, и стыдился поднять голову и посмотреть на нее в ответ. Она не сказала ни слова, ожидая моей реакции, а я ждал ее и боялся нарушить только установившуюся тишину. Я стал разглядывать деревянный узор, проступавший сквозь третий слой краски на скамье, и на миг задумался. Краска была разных цветов: под слоем свежей синей краски проступал зеленый, а за ним коричневый. Я стал представлять, как она выглядела раньше. Каково было другим ребятам сидеть на ней перед этим кабинетом? И что было раньше в этом кабинете, неужели всегда психолог? А вдруг там был кабинет зубного врача и ребята, сидя в ожидании на этой скамейке, сдирали ногтями краску и, может, даже продирались до самого дерева? Я чувствовал, как засохшая краска врезалась под их ногти, и шла кровь, но все меркло перед тем, куда им предстояло идти. Я не люблю врачей.

– Пойдем в кабинет, Дарен.

«Зачем она сказала „кабинет“? Неужели так сложно было назвать это просто комнатой?»

Я вздрогнул, словно забыв, что рядом кто-то был, спешно повернулся и направился к ней. Проходя мимо, я запнулся и чуть было не влетел в косяк, но увернулся, стараясь прежде всего не задеть ее. Она отстранилась, и при этом наши лица оказались так близко друг к другу, что я почувствовал аромат, исходивший от ее волос. Слегка сладкий, весенний аромат, которым было невозможно надышаться. Я глубоко вздохнул, стараясь уловить ускользающие нотки, и чуть было не задохнулся, когда не хотел выпускать его из своей груди. Молча я ввалился в ее кабинет и уселся на просторную кушетку. Она проследовала за мной и села напротив в небольшое удобное кресло всего в нескольких метрах от меня. Между нами не было ни стола, ни даже журнального столика, и я чувствовал себя немного неловко, спешно оглядываясь по сторонам и ерзая по кушетке из одного угла в другой. Она отодвинула стул еще на полметра назад, и я наконец смог найти удобное положение тела и замер.

– Ну что, Дарен, хочешь поговорить? – она замешкалась в поисках моего имени в записях.

– Нет.

– Может, хочешь обсудить, что произошло в коридоре?

- Нет.
- Может, тебя что-то беспокоит?
- Нет.
- Тебя часто обижают другие ребята?
- Нет.

Я соврал, наверное, первый раз в своей жизни и почувствовал странный холодок на своем лбу. Мне казалось, что я неестественно выпучил глаза и задрал лоб, поэтому попытался принять нормальный вид, насупился и уставился в пол.

– Ты предпочитаешь просто сидеть молча?

– Н-н-н... да. – Чуть было не вырвалось у меня привычное «нет».

– Хорошо, можем просто посидеть, а ты заговоришь тогда, когда сам захочешь. Нам некуда спешить, и мы не на допросе. Ты можешь мне довериться, Дарен.

Я покачал головой и был очень рад, как все разрешилось. Помолчав с несколько минут, я начал рассматривать кабинет и все, на чем останавливался взгляд. Это было просторное помещение, по обе стороны от меня во всю стену были книжные полки, уставленные различной литературой. На столе, позади Риты, стоял фикус, а занавески на окне были задернуты, так что свет рассеивался и мягким бордовым цветом разливался по всей комнате. То ли от большого количества книг, то ли оттого, что помещение редко проветривали, в лучах солнца клубилась пыль, и я некоторое время зачарованно наблюдал за ее безмятежным полетом. Внезапно мне стало не хватать воздуха, и я попытался сделать глубокий вздох. Но у меня не получилось, я чувствовал себя словно под толщей воды, которая давила на мою грудь. Меня охватила паника. Я продолжал смотреть на клубы пыли, что медленно пролетали сквозь лучи. Я чувствовал себя под водой. Как будто смотрел над собой из темной глубины на далекие лучи солнца, пробивающиеся сквозь воду. Я тонул. Я вцепился рукам в кушетку и, почувствовав твердь земли, нашел в себе силы отвести взгляд, вынырнуть из океана своих фантазий, что поглотили меня, и смог наконец вдохнуть. Череда спешных глотков воздуха, потом два глубоких, и я успокоился, с некоторым удивлением обнаружив себя все в той же комнате.

Я вглядывался в названия книг, но ни одно мне не было знакомо. Возможно, если бы я нашел что-то, то мы могли бы об этом поговорить. Но такое огромное количество книг, которых я не читал, а их названия мне вообще были непонятны, сильно расстроило меня. Я понимал, как я бесконечно глуп и насколько умна она. Между нами было не просто несколько метров темно-коричневого, усеянного узорами ковра, между нами была бесконечно темная пропасть, а узоры те – непролазный колючий плющ невежества. Ощущение этой пропасти манило меня, и фокус терялся где-то в пространстве этой комнаты. Я стал все больше думать об этом, не замечая и уже не контролируя себя, и попросту уснул. Но очнувшись уже через несколько минут, как мне показалось, я сильно смутился. Мало того, что я просидел все это время молча, так я еще посмел уснуть при ней. Она все еще смотрела на меня не отводя взгляда, и я заплыл краской, все лицо мое горело.

– Все в порядке?

Она замешкалась, словно вновь забыла мое имя, и так и не закончила. В ее взгляде было что-то вопросительное, словно она действительно не знала, все ли в порядке, и искренне этим интересовалась.

Мне было до того неловко, что я хотел убежать оттуда как можно скорее. В дверь постучали, и вошла доктор Лиза. Она сурово, по-воспитательски посмотрела на нас, отчего я хотел провалиться сквозь землю в ту же секунду.

– У вас тут все хорошо? Я слышала шум.

– Шум? Ах да, это я случайно выронила книгу. Мы, э-э, с... пациентом обсуждали, что он любит читать. Я хотела...

– Так, милочка, они не пациенты, они дети! Разве он чем-то болен?

– Нет.

– Вот и зарубите это себе на носу. Дарен, ты как себя чувствуешь? Все хорошо?

– Дарен?

– Да, Дарен, вы что же, даже имя его не записали?!

– Все хорошо, тетя Лиза.

– Вот и славно. Беги к себе, поиграй во что-нибудь.

– А можно в шахматы, тетя Лиза?

– Ну конечно, можно, Дарен. Вы же закончили свой «прием», Маргарита?

– Да, закончила, Елизавета Андреевна.

– Ну тогда попрощайтесь с мальчиком, а нам с вами еще нужно поговорить.

– Всего доброго... Дарен, – она опять сделала паузу перед моим именем, да я и не хотел, чтобы она запоминала имя такого идиота, как я.

– До свидания.

Я выбежал из кабинета, но все еще чувствовал, как взгляд Риты пронзает мне спину, и спешил уйти с линии огня, скрывшись за ближайшим углом.

«Почему так долго, Маргарита?» – послышался утопающий в глубине коридора голос Елизаветы Андреевны, когда я уже скрылся за поворотом.

Больше я ее не видел. То ли закончилась практика, то ли она не справлялась с обязанностями, так как большинство не воспринимало ее всерьез из-за ее возраста и приятного личика, а может, она и вовсе разочаровалась в карьере психолога, убедившись, с какими оболтусами вроде меня ей придется работать. Забавно, я силюсь, но все же не могу вспомнить черт ее лица. Помню только ее глубокие, как кристаллы, карие глаза и темные волосы, которые разведали едва уловимый, чуть сладкий весенний аромат, которым невозможно было надыхаться.

Я не помню тот миг, конкретный случай или просто день, когда краски поблекли, и то, что радовало меня до этого, стало только раздражать. Но продлилось это недолго. Краткая, но содержательная повестка из военкомата поставила жирную точку, перелистнув очередную страницу моей никчемной жизни. Меня определили в железнодорожные войска в воинскую часть 41146 в Омске. Но рассказать о тех временах мне почти нечего. В первый же месяц в части среди сослуживцев произошел конфликт, и меня отправили в медчасть. Вот так – конфликт у сослуживцев, а к доктору меня. Я провел там две недели, и то больше оттого, что были новогодние праздники и никому не было до меня никакого дела. Поэтому свой первый новогодний праздник вне приюта я встречал в одиночестве, глядя на завывающую метель за окном. Моим единственным развлечением было смотреть на пролетающие клубы снега под одиноким уличным фонарем и угадывать, в каком направлении ветер в следующий момент направит безвольные снежинки.

В середине января, когда я совсем окреп, со мной побеседовали несколько врачей, а потом отправили на гражданку. Не знаю тому причин, ведь я чувствовал себя хорошо, и, кроме заметной горбинки на сломанном носу, видимых изменений не было. К тому же она делала мое лицо мужественней, так что я совсем не расстраивался. Возможно, меня разжаловали, чтобы не накалять обстановку в части, ведь очевидно, что меня невзлюбили с самого первого дня, или, может, это гостеприимство у них такое, все были очень рады столичному гостю. Так окончилась моя карьера в Вооруженных силах России. Пойти служить по контракту мне не позволяли по медицинским показаниям, не особо вдаваясь в разъяснения. Все было в моей карте. Я не особо унывал, но осознание того, что очередная дверь захлопнулась перед моим носом, вгоняло меня в депрессию. И ведь это та дверь, куда некоторых затаскивают силой, а меня оттуда просто вышвырнули.

Зная, что возвращаться мне некуда, командир отрекомендовал меня по знакомству на вокзал. С работой на путях, хоть и по большей части теоретически, я уже был зна-

ком. Выбора особого не было, а тяжелый труд меня не пугал, поэтому меня определили на один из столичных вокзалов. Я осматривал рельсы, работал грузчиком, укладчиком, помогал по электричеству, но большую часть времени я подметал. То летом, а зимой убирал снег, в общем, был на подхвате. Я никогда не отказывался ни от какой работы, конфликтовать особо было не с кем, поэтому я себя даже смог зарекомендовать с какой-никакой, но лучшей стороны, если такая у меня была.

Я проработал на станции чуть больше двух лет, но так ни с кем и не сдружился. Знаете, так, по-настоящему, чтобы можно было говорить по душам? Ну конечно же, вы знаете! А я вот не знаю. Люди меня сторонились. Жил я недалеко от вокзала, в квартире, что предоставила компания. Но назвать это квартирой можно было с большой натяжкой. Со мной проживали еще трое мужиков, также трудившихся на путях, и представлялось это все одной большой грязной коммуналкой, более похожей на строительные бараки, разве что туалет не на улице. Но судя по количеству песка и грязи, что мы натаскивали с улицы на ногах и которую никто не убирал, длинный коридор представлялся неосвещенной парковой аллеей, усыпанной пустыми бутылками и сношенными сапогами. Один из моих соседей был парень из солнечного Узбекистана по имени Холбек. Крепкий мужчина лет тридцати пяти, тихий и угрюмый. Но когда в редком случае он чему-то радовался, то закатывался в неудержимом гоготе. Глаза его при этом скрывались за узкой расщелиной пухлых век, проступали частые крупные белые зубы, и, когда он задира голову, на шее его противно выпячивалась огромная родинка. Впрочем, он быстро унимался, видимо вспоминая об этой родинке, которой явно стыдился, и снова прижимал подбородок. Оттого его взгляд исподлобья и казался таким угрюмым. Он держался в стороне от остальных, а от меня в особенности, и старался общаться в кругу своих. Двое других были земляками из Липецкой области и уже по одной этой причине держались вместе. Другая вещь, сблизившая Сергея и Анатолия, – это бутылка. Они не выходили на пути, не опрокинув пятидесяти граммов. А так как я совсем не пил, со мной найти общий язык они не могли и вовсе сторонились, недоверчиво относясь к моему культу трезвости.

По разным причинам жить с ними было невыносимо. Еще с приюта я научился быть терпимым к привычкам и заскокам других людей и старался с пониманием относиться ко всему, но кроме редких моментов, когда Холбек готовил плов и угощал всех по большим праздникам, увидеть нас вместе за одним столом было невозможно. Каждый вечер, когда приходила пора застольных песен, я с головой закутывался в одеяло и мечтал о том дне, когда смогу позволить себе свое собственное жилье. Но эта мечта была такой же невыполнимой, как и моя детская – поездка в Париж. Лежа под одеялом, я закрывал глаза, старался отключить слух и всматривался в цветные разливы, всплывающие в темноте моей черепной коробки и сменяющиеся еще более яркими картинками моих ночных фантазий.

Зимой нас выгоняли на пути убирать снег за несколько часов до того, как на улицы выходили дворники, и я мог некоторое время наслаждаться видом нетронутых заснеженных улиц. Еще горели уличные фонари, и если снег не переставал, то взору открывалась воистину сказочная картина. Неспящий город казался в такие моменты ожившей картиной с полотна Левитана: узкие улочки, дома со старинным фасадом, заснеженные дороги, стирающие грань проезжей части и тротуаров, старый фонарь и пустые витрины еще не открывшихся магазинов.

Неподалеку была одна лавка, которая открывалась самой первой, задолго до прихода посетителей. И запомнил я это по большей части из-за того, что открывала ее молодая девушка. Каким бы ненастным ни было утро, она всегда приходила рано и зажигала первый свет, предвещавший новый день. В одно такое утро была сильная метель, и мы скрылись за углом соседнего дома, убирать было все равно бесполезно. И даже в такой день она пришла, вжимаясь в огромный теплый шарф, который укутывал ее шею и половину лица. Пробираясь к магазину сквозь сугробы, она поскользнулась и чуть не упала, уцепившись за ручку дверцы. У меня

только успели дернуться ноги в ее сторону, как она, завершив свой невероятный пируэт, залезла в магазин. Я тогда удивился ее ловкости и той грации, с которой она чуть было не рухнула головой в сугроб.

Это ей ничуть не помешало. Она, как и прежде, зажгла свет, озаривший всю улицу, и принялась за работу. Я переживал, что она все же могла пораниться, получить вывих или растяжение, и хотел посмотреть, не нужна ли ей помощь. А возможно, мне просто было интересно, чем она там занимается в столь ранний час, и я пошел посмотреть. Подходя ближе к витрине, я услышал музыку и только сейчас заметил надпись на окне. Это был музыкальный магазин. Я заглянул в окно. Играла незнакомая мне музыка. Звук был чистым, и складывалось впечатление, что играл живой оркестр, и играл он очень хорошо. За окном я увидел большие стойки с музыкальными дисками, повсюду были красочные постеры, а с потолка свисала огромная стеклянная люстра. Вся атмосфера магазина была наполнена светом, музыкой и легкостью. Я увидел, как с той же легкостью порхала от одной полки к другой девушка. Ее длинные светлые волосы спадали на плечи и двигались в такт музыке, словно управляемые невидимой рукой дирижера. Она кружилась под музыку, раскрыв объятия и запрокинув голову. Я видел улыбку на ее устах, но никак не мог понять, чему она так радуется. А она продолжала кружиться, разливая тепло и свет по всему залу и за его пределы. Я был поражен ее красотой. Я стоял по ту сторону стекла, мне в лицо без конца летел снег, а я уставился на нее, как на экран телевизора, и казалось, то был далекий, манящий, чуждый и недостижимый мир.

Когда девушка остановилась, я побоялся, что она может меня увидеть, и поспешил уйти. Пятясь спиной от двери, я поскользнулся и рухнул на землю. В момент падения я чувствовал себя грязным мешком с картошкой, который с силой выбросили из вагона проезжающего товарняка. Мое худощавое тельце бултыхалось в огромном бушлате, и это смягчило мое падение. От меня даже полетели клубы пыли, быстро осев черной пеленой под тяжестью падающего снега. Я лежал и не мог прийти в себя, и вовсе не от удара в затылок. Тот удар был много сильнее и проник в самое сердце. На лицо неторопливо садились снежинки, а я лежал и смотрел, как некоторые из них от моего горячего дыхания тают прямо на лету и тяжелыми каплями падают в мои открытые глаза.

На следующий и все последующие дни до самой весны я вставал еще раньше и убирал дорожку перед ее магазином. И каждое утро любовался теплым светом из ее окон, чуть слышными разливами непонятной музыки и ее головокружительными танцами.

Глава 2

Весной того же года произошел случай, который впоследствии изменил всю мою жизнь, но тогда я этому, конечно же, не придавал должного значения. Был солнечный день. Снег уже почти сошел, и площадь вокзала понемногу начинала приобретать свой обычный вид после открывшегося половодья. Дело было в том, что весь выпавший снег мы сгребали в одну кучу, которая росла с каждым днем. За ней раз в неделю приезжала машина. Но, как и во всем, здесь тоже экономили, а может, обыденная халатность, но за снегом приезжали крайне редко. Начальство, во избежание проверок, заставляло нас сгребать снег в самые дальние углы, подальше от глаз, перелопачивать, утрамбовывать, разве что есть его не заставляли. Поэтому с внезапно наступившей весной все быстро начало таять, превращая узенькие улочки в небольшие ручейки, а чуть позже – в полноводные реки. Уже ничего с этим нельзя было поделать, поэтому по большей части мы следили, чтобы талый снег не подтопил никакой подвал и чтобы люди хотя бы прыжками, но могли добраться до метро или к вокзалу. В воздухе чувствовалась весна, и ничто не могло огорчить людей, так долго ждавших первых теплых лучей солнца. Мы сидели с Холбеком в стороне так, чтобы не попасться на глаза диспетчеру, и, как и все остальные, радовались внезапно наступившей весне. Особенно радовался теплым лучам Холбек, хоть и привыкший за много лет к промозглой столичной погоде, но все же скучавший по палящим лучам южного солнца.

Недалеко находилась стоянка, и опаздывающие пассажиры то и дело устраивали мокрый забег от машины до вокзала. Автомобили подъезжали и отъезжали один за другим, кто-то сидел и ждал, кто-то уже дождался и радостно обнимал прибывших. Носильщики сновали с тележками, приставая к одиноким пассажирам, а таксисты поджидали тех у выхода на дорогу. У привокзального ларька, весело ругаясь, собралась небольшая группа бездомных, пуще всех остальных радовавшаяся концу затяжной зимы, которую не все пережили. Еще один повод выпить, и ни одного повода быть трезвым. На площадь уже подъехал грузовичок социальной службы, заботившийся о здоровье этих бедолаг. Хотя вряд ли это можно назвать заботой, больше похоже на нелепую попытку извиниться за то, что оставили их на обочине жизни. Из метро к торговому центру быстрым шагом проносится молодежь, а в другую сторону пробегают люди в костюмах, спешащие на работу в соседний бизнес-центр. Целый мир в миниатюре. Кто-то здесь живет, иных ждет дальняя дорога или радостное возвращение домой, третьи спешат убраться отсюда, но каждое утро я вижу все те же лица. Они отводят глаза и смотрят только вперед, словно их здесь нет, и то, что ты видишь, лишь тень, что отбрасывает их неповторимый облик под лучами весеннего солнца, которое светит сегодня исключительно для них. И все же мы все здесь, мы часть этого, независимо от того, хотим мы это замечать или нет.

Я решил обойти свой участок, показаться на глаза, чтобы нас не хватились, и проходил вдоль ряда припаркованных автомобилей. В одной иномарке заглушили двигатель, послышался звук открывающейся двери. Я невольно обернулся в ту сторону и увидел девушку. Она говорила по телефону и сползала с водительского кресла. Она опустила ногу на землю, даже не обратив внимания на то, что припарковалась у большой лужи. В действительности вся стоянка была одной большой лужей, и ей вряд ли удалось бы найти островок суши. Девушка выругалась и тут же извинилась перед кем-то в трубку телефона. Я улыбнулся – все это походило на немую сцену в кино. Но потом мне стало стыдно, ведь в этом была и часть моей вины. Девушка, видимо, спешила, так как, недолго думая, уверенно ступила обеими ногами в эту лужу и подошла к багажнику. Открыла его и стала доставать небольшую дорожную сумку, не выпуская из второй руки телефона. В следующее мгновение сумка зацепилась за край багажника и выскользнула из ее руки. Та повалилась на землю и окатила ее по колено талой водой. Она зажала телефон плечом и потянулась обеими руками за сумкой, через секунду уже теле-

фон совершил свой прощальный нырок в воду. Все судьи – десять баллов! Еще несколько секунд виднелись пузырьки, а потом экран погас, по-видимому, навсегда. Девушка замерла в согнувшемся положении, не веря во все произошедшее, но сохраняла несвойственное такой ситуации молчание.

Я бросился в ее сторону, стараясь не забрызгать ее еще больше, и поднял сумку. Положил ее обратно в багажник и потянулся за телефоном. Девушка выпрямилась и протянула руку.

– Вот, возьмите, мне очень жаль!

– Ну, вы тут ни при чем. – Она все еще смотрела на свои ноги и на свой телефон, потом на сумку и снова на телефон. – Ну что за день-то такой?!

– Да, Сена снова угрожает Гран-Пале.

Она улыбнулась и подняла голову, глаза ее были прищурены от солнца.

– Вы были в Париже?

Девушка наконец смогла открыть сначала один, затем второй глаз и, все еще щурясь, уставилась на меня. Совсем не меня она сейчас ожидала увидеть: растрепанный работяга в резиновых сапогах и красном жилете.

– Ну да, только сегодня вернулся, вот даже переодеться не успел. Жилет из последней коллекции.

Она засмушалась и отвела взгляд.

– Кхм, спасибо вам за помощь.

– Рад помочь. Вот только телефону вашему, боюсь, уже ничто не поможет. Попробуйте его просушить хорошо и не включайте пару дней. Можете его в рис положить.

– В рис?

– Ну да, обычный рис. Целую пачку купите, высыпьте в чашку и закопайте телефон поглубже.

– И поможет?

– Должно. Я сам не пробовал.

Она снова улыбнулась, но уже не так открыто и дружелюбно.

– Спасибо.

– Только разберите его как можно скорее, выньте батарейку там, симку, не знаю, что там еще у вас есть.

– Да, собственно, спасибо, боюсь, ему действительно уже не поможешь.

– Вы на вокзал? Давайте я вам помогу с вещами. А то к вам сейчас начнут приставать всякие пройдохи. Хотя и они сюда сейчас вряд ли сунутся.

Она посмотрела на меня, не находя что ответить. Я понял, что и сам для нее сейчас такой же пройдоха.

– Нет, вы не подумайте, я с вас ничего не возьму, я здесь работаю. В смысле они тоже работают, но я по другой... специальности, – я сконфузился от нелепости ситуации и тех слов, что сам произносил. – Простите, я, пожалуй, пойду, хорошего вам дня, – я понял, что снова сказал чепуху и что вся эта ситуация никак не вписывалась в определение хорошего дня, замешкался сперва, потом все-таки развернулся и стал уходить.

– Вообще-то, помощь мне бы сейчас действительно не помешала.

Я резко обернулся, и лицо мое расплылось в улыбке. Девушка тоже невольно улыбнулась, сама явно этому удивляясь.

– Я рад вам помочь! Так вам куда, к вокзалу?

Я подхватил сумку и проводил девушку на перрон, где ее уже ждал поезд. Я так нервничал, что даже не спросил ее имени, стараясь не подорвать оказанного ею доверия. Поэтому я молча проводил ее к вагону и отдал сумку. Поезд уже собирался уходить, поэтому она быстро запрыгнула в него. Я попрощался, пожелал ей приятной дороги и пообещал, что к ее возвращению уже весь снег сойдет. Не знаю, зачем я так сделал, но мне хотелось быть ей полез-

ным. Думаю, каждому из нас порой необходимо почувствовать бескорыстную заботу и доброту от незнакомца. По крайней мере, мне самому было это приятно, и весь оставшийся день у меня не сходила с лица нелепая улыбка.

Спустя месяц я уже совсем забыл о том случае. Все на той же стоянке я подкрашивал бордюры. Было уже совсем тепло, и буквально весь город покрывали новым слоем краски. Повсюду в воздухе стоял характерный пьянящий запах, от которого под вечер болела голова. Но мне нравилось красить. Всю зиму так не хватало красок, что сейчас любой цвет, отличный от белого, был приятен глазу.

– А вы держите свои обещания, молодой человек! – раздался из-за спины женский голос.

Я поднял голову и увидел знакомое лицо. Судорожно бросил кисточку и встал на ноги. Растерянный, я с минуту смотрел на нее и не мог понять, о чем она говорила, а потом и вовсе забыл, и просто любовался ее милым личиком. – Весь снег сошел, сухо и чисто, как и обещали!

– Ах, ну да, вот навожу последние штрихи, немного не успел к вашему приезду. Вы уж не сердитесь!

Она засмеялась, и я тоже позволил себе улыбнуться.

– Знаете, а я вас искала.

– Зачем это? Пропало что-то из сумки?! Уверяю вас, это был не я!

Она снова улыбнулась.

– Нет-нет, что вы. С сумкой все хорошо. И с телефоном тоже. Еще раз спасибо вам за это!

– Рад помочь! – я замялся, так как не знал ее имени.

– Олеся. Меня зовут Олеся. А вас?

– Дарен, очень приятно!

– И мне. Какое интересное имя!

– Церковное.

– Вы религиозны?

– Не так, как могло быть. Как прошла поездка?

– Поездка? Ах, ну да, все хорошо, спасибо. Знаете, до встречи с вами тот день был просто ужасным. А потом все как-то наладилось! Думаю, это благодаря вам.

– Вот уж вряд ли! Но я рад, что у вас все хорошо.

– Скажите, Дарен, вас интересует работа?

– У меня есть работа.

– Я вижу, но, может, вы бы хотели что-то другое попробовать?

– Ну, мне особо не из чего выбирать.

– Знаете, тут такая ситуация, в общем, у нас в фирме открылась вакансия. Ничего особенного, конечно, да и зарплата небольшая, но, может, она вас заинтересует?

– Я не много всего умею, Олеся. Вот, правда, красить могу, не Дега, конечно, но мазки уверенные, ровные, вон как блестит на солнце.

Она снова рассмеялась.

– Вы, я смотрю, много знаете о Франции.

– Да ну что вы, так, нахватался. Чего только не услышишь в кругу утонченного бродяги!

Мы разговорились немного, она рассказала о вакансии хаускипера, новомодное словечко на западный манер, разнорабочий по-нашему. И я пообещал, что на следующий день обязательно приду к ним на собеседование. А я ведь всегда держу обещания!

Вот таким образом в книге моей жизни началась новая глава. Работать предстояло в том самом бизнес-центре по соседству, поэтому и переезжать не пришлось. Я договорился со своим руководством, что еще проживу некоторое время в квартире, так как не в состоянии снимать самостоятельно. Как я говорил, у меня состоялись хорошие отношения с начальством, и мне разрешили пожить три месяца в квартире, на случай если ничего не выгорит, чтобы мне было

куда вернуться. Не особо-то в меня верили. Но я был твердо уверен в благоприятном исходе и, хоть боялся до дрожи в коленях, все же с непоколебимым оптимизмом смотрел в лицо своей вновь открывавшейся судьбе.

Глава 3

Первый день не отличался ничем особенным. Меня больше знакомили не с людьми, а с коммуникациями и электросетями. Наверное, это справедливо. Единственный человек, помимо моего коллеги, с кем мне довелось поговорить, был сотрудник отдела кадров, который меня оформлял. «Мы должны быть незаметны для них, понимаешь?!» – твердил Николай. «Понимаю», – отвечал я. Ничего не поменялось, разве что работа не на свежем воздухе.

Мне выдали форму – новый чистый комбинезон, который был разительно лучше моего предыдущего. Я почувствовал себя белым воротничком, офисным клерком – в тепле, сухости и почти в чистоте. Пачкаться, конечно же, приходилось, но за формой нужно было постоянно следить – внешний вид был важен для них. Хотя не совсем понятно, к чему им мой внешний вид, если основной моей задачей было оставаться невидимкой. Тонкости офисной жизни.

Работы было значительно меньше, чем на путях, и я даже поначалу расслабился. Мне не нужно было убираться – для этого была клининговая компания; мне не позволялось копаться в электросетях и любом другом оборудовании – для этого была другая обслуживающая компания; поэтому основной моей обязанностью был мелкий бытовой ремонт, приноси-уноси. Сломался шкаф? Пожалуйста! Отвалилось колесико у кресла? Я тут как тут! Нужно передвинуть мебель? Я к вашим услугам! В общем, работа не пыльная.

Днем меня позвали в приемную, нужно было помочь установить рабочее место для новой сотрудницы. В технике я не разбираюсь, поэтому от меня требовались только руки – что куда поставить. Ее звали Марина, скромная, тихая девушка. У нее тоже был первый день, и я думал, что могу с ней сдружиться на этой почве. Подходя к месту, я увидел нескольких человек: две девушки сидели за стойкой и беседовали с мужчиной, одетым в строгий серый костюм. Он стоял спиной ко мне, облокотившись на стойку. Они о чем-то разговаривали, и девушкам явно нравился этот диалог. Они мило улыбались, заглядываясь восторженно на своего собеседника. Марина сидела в сторонке и изучала какие-то документы. Они услышали, что я подхожу к ним, девушки посмотрели в мою сторону, улыбки сошли с их милых лиц. За ними обернулся и мужчина. На нем была элегантная белоснежная рубашка, а завершал этот образ темно-синий галстук. Мужчина, в отличие от девушек, не переставал улыбаться, демонстрируя безупречно ровные белые зубы.

– Добро пожаловать в нашу компанию! – он обратился ко мне. – Вы же новенький? Я вас раньше не видел.

– Да, сегодня мой первый рабочий день.

– Какое совпадение! У нашей Мариночки тоже сегодня первый день!

От его обращения разило вульгарностью и снисхождением. Марина подняла голову, и из-под широкой оправы я увидел самые печальные глаза на свете. Ей было не больше двадцати лет. Она попыталась улыбнуться, но вышло что-то нелепое и несуразное, возможно, она нас и не слышала вовсе, настолько была увлечена чтением.

– Как вас зовут, молодой человек?

– Дарен.

– Какое редкое имя, однако ж. А меня – Алексей! Будем знакомы.

«Однако ж» он не протянул мне руки, и я тоже стоял смирно.

– Дарен, мы тут как раз говорили о вас, не поверите.

– Вы правы, что-то не верится.

– Представьте себе! В действительности мы вам завидовали! Представляете?

– Как-то слабо.

Он усмехнулся, а за ним и девушки.

– Именно так, старина, мы вам завидовали! Я рассказывал девушкам, как я сбился с ног в эти выходные в поисках хоть сколько-то годного костюма. Честное слово, я провел весь день в примерочных! Проще и даже выгоднее, я уверен, заказать пошив костюма. Я так и сделаю в следующий раз. – Девушки одобрительно покачали головой. – И я не один такой, поверьте, девушкам в этом плане в сто раз сложнее! Необходимо постоянно заботиться о внешнем виде, тратить свои выходные на походы по магазинам. Ах, эти вечные примерки! Каждое утро – головная боль, честное слово! Даже мне, кому можно взять обычный, самый простой серый костюм, белую рубашку и галстук под настроение, приходится по тридцать минут утром стоять перед шкафом с одеждой и думать, какой из пятидесяти оттенков серого мне сегодня выбрать. – Девушки продолжали одобрительно кивать.

– Ох ты, скромник, простой серый костюм от Zegna, сама невинность, вы только посмотрите! – одна из девушек с плохо скрываемой лестью вдруг обратилась к Алексею.

Мужчина сделал вид, что не обратил внимания, и не повернулся в их сторону, но на лице проступила едва заметная самодовольная улыбка, и он продолжил:

– Другое дело вы, старина! Надел форму и пошел себе на работу! – он развел руками, пытаясь подчеркнуть эту простоту. – Даже стирать необязательно – все равно испачкаетесь! Нет, старина, вы определенно счастливчик!

– Работа не такая пыльная, вы бы тоже справились. Я могу для вас разузнать в отделе кадров, если хотите.

Алексей сильно изменился в лице.

– Нет уж, спасибо, оставим эту нелегкую работу профессионалам. Марина вас, кстати, ожидает.

Алексей снова повернулся к девушкам и продолжил о чем-то шептаться. Я быстро справился с работой и поспешил к себе в каморку, не желая больше давать поводов для насмешек.

Еще не раз я встречался с Мариной и даже как-то пригласил ее на обед. Поблизости есть несколько мест, где можно было перекусить. Я ходил в столовую: еда там приличная и, что самое главное, дешевая, по сравнению с ресторанами, разбросанными в округе. А еще я мог ходить туда в рабочей одежде, так что мне не нужно было туда-сюда переодеваться. В тот день я увидел, как она сидела одна за столиком. Кроме нее, я никого не встречал в этой столовой из наших коллег и был приятно удивлен этой встрече. Мы уже были знакомы, мы оба устроились в один день, и я, ни на секунду не задумавшись, подошел к ней и предложил пообедать вместе. Она сначала осмотрелась по сторонам, а потом поздоровалась. Я не придал этому значения. Видимо, она растерялась, когда я так внезапно подошел.

– Мы могли бы пойти на обед в соседнее кафе, если тебе больше нравится, тут недалеко, я покажу.

– Ну, я... даже не знаю, – она явно стеснялась, и я хотел своей уверенностью помочь преодолеть ей страх.

– Да ты не переживай, у меня есть другая одежда, я переоденусь, и мы пойдем на обед! Давай завтра, что скажешь?

– Да, почему бы нет. Спасибо! Значит, завтра?

– Завтра. В двенадцать, хорошо?

– Конечно, – она улыбнулась.

– Отлично, вот и договорились! Хорошего тебе дня!

– И тебе, Д...

– Дарен.

– Да, Дарен, прости, я сегодня какая-то заторможенная. Только не подумай, что я не знала твоего имени!

– Да ничего я такого не подумал!

– Такое редкое имя.

– Ну, я побежал! До завтра!

– Пока.

Весь оставшийся день я думал над тем, что одеть завтра на обед, потому как никакой другой приличной одежды у меня, конечно же, не было. Все, чем к тому времени я успел разжиться, – это военная форма, которую мне комиссовал старшина, и железнодорожный бушлат, весь пропитанный мазутом с одной и потом с другой стороны. Ни в чем из этого я не мог появиться даже в столовой, не говоря уже о ресторане, потому я решил отправиться после работы за покупками в расположившийся неподалеку торговый центр.

В тот день нам как раз выдали аванс, и я с решительным намерением спустить немного денег побежал в торговый центр. Я никогда раньше не заходил в подобные места, не было надобности. И первое, что меня удивило, – это чистота. Все вокруг сверкало. Мраморный пол был отполирован до блеска так, что в нем можно было видеть собственное отражение. Огромные витрины магазинов украшены одна пестрее другой, завлекая многочисленных покупателей. Толпы людей хаотично перемещались от одной двери к другой, словно пчелы, перелетая с одного цветка на другой. Удивительно, как они только не сталкивались друг с другом, ведь взгляды их разбегались от всего разнообразия товаров. В коридорах стояли скамейки и импровизированные бутафорные деревья с неестественно яркими цветами, щедро усыпавшими каждую ветвь. Огромный холл упирался в большую площадь, усеянную многочисленными кафе. За столиками сидели, люди, попивая кофе и ведя оживленные беседы. А в самом центре площади был расположен фонтан. Журчание воды едва заглушало гул, стоящий вокруг. С другой стороны были эскалаторы, как в метро, только много чище и сделанные из стекла. Я проследил взглядом по его пути, после третьего этажа задрал голову и увидел огромный стеклянный купол, нависавший над самой площадью. Какая бы ненастная погода ни была на улице, здесь всегда было ясное небо. Все эти люди нашли свое место под солнцем.

У меня кружилась голова от всего этого великолепия. Словно истукан, я стоял посреди площади, пока мое сознание пыталось охватить и заполнить это пространство. Мимо то и дело пробегали люди, и некоторые из них косо поглядывали на меня. Я заметил несколько компаний молодых людей, завидев меня, они начинали перешептываться и смеялись. Я понимал, что не совсем вписываюсь в эту картину, но настроение было приподнятым из-за предстоящего обеда, и я не придавал значения подобным насмешкам. У меня не было ни единого повода усомниться в себе. Я только устроился на хорошую работу, завтра у меня была встреча с девушкой, жизнь налаживалась. Я даже стал думать о новом жилье. У меня промелькнули мысли, словно мы сошлись с Мариной, что мы полюбили друг друга, поженились. Я представил, как мы растим наших детей в своем большом доме, живем одной дружной семьей. Как я играю с малышами, провожу с ними много времени, всегда помогаю им, я всегда рядом. Эти мысли стремительным ураганом пронеслись в моей голове, но я их прогнал – было непозволительно рано думать о подобном. Но мое подсознание уже проложило путь в светлое будущее, обустроилось там и зажило припеваючи. Все было возможно, я твердо в это верил.

Придя в себя через некоторое время, я осмотрелся по сторонам, вспомнив об основной цели своего визита. Передо мной было несколько магазинов. В одном толпилась куча людей, все оживленно щупали, трогали, растягивали, прикладывали, смотрелись в зеркала, утыканные в каждом углу. У примерочных была очередь, а консультанты с отрешенными лицами молча и без энтузиазма устраняли последствия этого локального апокалипсиса. Я чувствовал себя смущенным, так как никогда раньше не был в подобных местах и не имел никакого представления о том, что сейчас модно, а что нет. Поэтому я надеялся на помощь консультанта. Но в этом магазине, похоже, им самим нужна была помощь. А еще мне не хотелось выглядеть полным лохом, если я вдруг выберу что-нибудь совсем несуразное или даже смешное. Я представил себе картину. Беру понравившуюся вещь с вешалки, прикладываю к себе, обращаюсь к консультанту, надеюсь на одобрение, а он смотрит и смеется. Хватается за живот и просто

ржет, не может остановиться. За ним поворачивается вся очередь, люди смотрят на меня и тоже начинают смеяться. В очереди стоит женщина с ребенком, он еще совсем мал, чтобы понять, отчего все смеются, но мать наклоняется к нему, показывает на меня пальцем и шепчет что-то на ухо, после чего он тоже закатывается в истерику, противно тыкая в меня своими маленькими кривыми ручонками. И вот, нелепые истории обо мне уже передаются из уст в уста, от поколения поколению на моих глазах.

Я стал искать другой магазин, в котором бы не было столько покупателей и где мне смогли бы помочь, не привлекая излишнего внимания. Я направился к стеклянным дверям, из-за которых разносилась тихая приятная музыка и где скучавшие администраторы вели друг с другом непринужденную беседу. Они улыбались, были в хорошем настроении, отчего я подумал, что они уж точно смогут мне помочь. Я вошел внутрь и стал нерешительно разглядывать одежду. Ко мне подошла девушка.

– Добрый вечер! Я могу вам помочь? – В ее выражении не оказалось той приветливости, что была минуту назад, и читалось явное сомнение в ее желании мне помочь.

– Здравствуйте! Знаете, небольшая помощь мне действительно не помешала бы.

– Что ж, я вас слушаю! – Ее взгляд бегло пробежался по мне, словно сканер на кассе в супермаркете. Интересно, у нее перед глазами тоже высветился ценник? Сколько, по ее мнению, я стою?

– У меня завтра обед с девушкой, а мне совсем нечего надеть.

– Да, я вас поняла. Ну что ж, у нас большой выбор. Вот посмотрите это.

Она начала поочередно предлагать мне то брюки, то пиджак к ним, отмечая все особенности того или иного кроя, качество материала, фактуру, цвет, потом переключилась на сорочки, и тут я окончательно потерялся.

– Вы знаете, я совершенно не понимаю, о чем вы толкуете, поэтому я полагаюсь на ваш вкус.

– Спасибо за доверие. Позвольте тогда предложить вам это. – Она отвела меня в другой угол, где все было уже не просто на вешалках, а стояли шикарно одетые манекены.

– Да, с таким парнем не стыдно показаться в ресторане.

Девушка улыбнулась, подошла к манекену и стала рассказывать все о подобранной композиции в таких выражениях, словно о своем лучшем друге. Я уже ее не слушал. В мыслях я представлял себя в этой одежде, как мы сидим с Мариной в ресторане и все смотрят на нас, мужчины одобрительно покачивают головами, а девушки улыбаются и завидуют нам. В моей голове опять всплыли красочные картинки из нашего счастливого будущего, и я уже был не в силах им противиться.

– Мне очень нравится.

– Хотите примерить?

– А можно?

– Нужно! Проидемте, я сейчас все вам принесу.

Полностью переодевшись, я вышел в зал, чтобы посмотреться в зеркала и немного пройтись. Костюм сидел превосходно, насколько я мог об этом судить, хотя и чувствовалась некая скованность в движениях.

– Он вам очень идет! Посмотрите, какой вы стройный и импозантный!

Не знаю, что она этим хотела сказать, я был погружен в самолюбование. По ту сторону зеркала был совершенный незнакомец. И действительно, костюм как-то заставлял меня держаться ровнее подбородок и следить за осанкой. Непривычное ощущение, но мне оно нравилось.

– Мне нравится. Беру!

– Отличный выбор! Вы пока переодевайтесь, а я вам все упакую.

Было немного неприятно теперь натягивать на себя свои старые лохмотья, раньше я не обращал особого внимания, но сейчас вдруг почувствовал разницу. Приятная музыка,

забота персонала, все это создавало зону комфорта, в которой я совсем позабыл, где был еще месяц назад. Вся эта красота теперь окружала меня, и так оно и должно было быть.

Девушка широко улыбалась, увидев меня еще только выходящим из примерочной. Рядом с ней стоял ассистент и держал несколько пакетов, приготовленных для меня. «Какая забота», – подумал я и легкой походкой, словно дрейфуя по залу, подошел к кассе.

– Оплата по карте?

– Карте?

– Или, может, наличными?

– Да, конечно, наличными. – Я совсем забыл, что у меня есть карта, а когда вспомнил, то стал сомневаться, а можно ли ей было расплачиваться. Аванс мне выдали в конверте.

Девушка снова улыбнулась. Я был приятно поражен, какими добрыми и участливыми могут быть совершенно незнакомые люди.

– Это замечательно. С вас восемьдесят пять тысяч триста девяносто девять рублей, – она снова улыбнулась и посмотрела на меня.

Меня словно ударили по голове.

– Сколько, простите? Я не расслышал, – совершенно ровным тоном, стараясь не выдать волнения, проговорил я.

– Восемьдесят пять тысяч триста девяносто девять рублей. Это новая коллекция. Ой, простите, совсем забыла о скидке.

Я вздохнул с некоторым облегчением.

Девушка быстро пощелкала на калькуляторе и снова посмотрела на меня. «Скидка – это хорошо», – подумал я.

– И так, с учетом скидки получилось восемьдесят одна тысяча сто двадцать девять рублей.

Улыбка не сходила с ее лица.

У меня округлились глаза, и пересохло в горле. Я нервно сглотнул слюну и потянулся в карман. Не знаю, зачем я это сделал, денег от пересчета все равно не прибавилось бы. Я пересчитал купюры, наперед зная результат. От этого я лишь выглядел еще более ничтожным. Эта сумма в три раза превышала мой месячный оклад, который я, собственно, еще даже не получал. Десять тысяч рублей, которые еще минуту назад казались мне существенной суммой, в мгновение превратились в бесполезные бумажки из детской монополии.

– Может, все-таки по карте?

– Да, пожалуй... Нет, простите... Так неловко, – я скривил губы в подобие улыбки и развел руками.

Девушка сняла с себя притворную ухмылку и переглянулась с мужчиной, державшим мои пакеты.

– Я же говорила! С тебя косарь, проспорил!

Мужчина с сожалением посмотрел на меня.

– Эх, а я на тебя надеялся, мужик. Эх ты!

– Простите, пожалуйста, – я не понимал, собственно, за что извинился, но все равно чувствовал себя виноватым.

Мужчина поставил пакеты на стол, они завалились набок, и я увидел, что те были совсем пустыми.

– Попробуйте вон тот магазин напротив, пожалуйста, или еще, говорят, есть неплохой развал на той стороне железной дороги, может, получится подыскать что-нибудь там. Уверена, ваша девушка оценит.

Я развернулся и пошел прочь из магазина. Интересно, откуда она знает о развале?! Ноги еле переваливались, а ошметки порванных башмаков цеплялись за сверкающий мрамор. За спиной слышались усмешки, и на глазах непроизвольно выступили слезы.

Мой карточный домик рассыпался, ветер нещадно раскидал его по песку, а нахлынувшая волна унесла в открытое море. Я был опустошен. Все мои недавние фантазии и мечты о лучшей жизни рассыпались. Все было бесполезно, все мои попытки смешны. Я начал копаться в себе, силясь найти причины и ответы. Почему-то сразу вспомнились годы в приюте, синяя скамейка и муха, в последний раз за свою короткую жизнь ударяющаяся о стекло. Я злился и не понимал, почему мир так жесток ко мне. Какое они имеют право осуждать и смеяться надо мной? Они сами-то могут себе позволить ту одежду, что продают?! Почему люди, которые меня совсем не знают, уже делают обо мне свои неутешительные выводы и, что самое обидное, почему они так часто оказываются правы? Что они знают и видят такого, что не понимаю и не замечаю я? Почему я такой ущербный?! Все эти вопросы по цепочке рождали еще больше вопросов. Разум был не в силах ответить ни на один из них. Я чувствовал, как дыхание мое учащалось, перед глазами все плыло. То ли виной тому были накотившие слезы, то ли само сознание уплывало от меня.

Я не помню, как выходил из торгового центра, сколько прошло времени, но когда я собрался с мыслями, то обнаружил себя у того самого развала с одеждой. Я точно не мог позволить себе прийти на обед в своих лохмотьях, поэтому быстро пробежался по рядам и похватал, что мне хоть немного приглянулось. Цены отличались разительно. Примерочных у них не было, поэтому приходилось брать приблизительно, и только пиджак я решил накинуть на плечи. Сидел он совершенно иначе, мне не хотелось держать ровно подбородок, и осанку он мою не выправлял, но мне было все равно. Об обуви я и вовсе вспомнил только дома. Пришлось взять ботинки у Андрея, моего соседа, он был единственным, чей размер был близок к моему, но и они были немного велики.

Утром я встал пораньше, чтобы еще раз спокойно прикинуть свой наряд. Я мог забыть о какой-нибудь мелочи, что испортила бы весь мой внешний вид и все свидание. В действительности я буквально встал с кровати, глаз не сомкнул всю ночь. Разве что проваливался в небытие на несколько минут, заплутав в тумане своих мыслей. Вся ночь была ожесточенной борьбой, в которой никак не мог определиться победитель. То с таким трудом выстроенная логическая цепочка, казалось, окончательно взяла верх, но очередная предательская мелкая мыслишка ломала весь кавалерийский строй, и в рядах начиналась паника и хаос. И в этом облаке потерянных мыслей я блуждал, потеряв чувство времени и пространства. Изредка всплывали, казалось бы, совершенно четкие картинки. Но в попытках за них ухватиться меня подхватывал очередной вихрь фантазий, иллюзий и череда непонятных событий, мест, лиц, которые, как я ни силился с утра вспомнить, никогда не получалось. То снова начинала прослеживаться некоторая зависимость, и я мог уцепиться за свое сознание, что я существую здесь и сейчас, и тогда я приходил в себя. И как это бывало не редко, обнаружить себя я мог совершенно не там, где оставил. То сидя на корточках возле кровати, и, главное, так естественно, словно на секунду присел и задремал. То сидя в кресле, словно размышлял о чем-то бесконечном, глядя в ночное окно. А то и вовсе лежа посреди комнаты плашмя, словно меня внезапно выключили, когда я еще стоял, и свидетельство тому – мой красный ушибленный нос. Самое безобидное было проснуться лежа в ванной или справляющим нужду. По этой причине после одного такого случая я сплю голышом, чтобы к утренней суматохе не добавилась экстренная стирка. Я не помнил, как добирался во все эти места, и списывал все на усталость и стресс, от которого и были эти проявления лунатизма. Сегодня я проснулся, и на мне была натянута одна штанина, а все остальное раскидано по полу. Уж и не знаю, куда я там собирался, но я решил, что все это было из-за волнения по поводу внешнего вида перед предстоящим свиданием. Видимо, и во сне я прикидывал, в чем же мне пойти.

Как ни странно, но с утра я чувствовал себя довольно бодрым, сказывалось волнение, и я меньше всего думал о мешках под глазами, меня беспокоил тот мешок, который я собирался надеть на встречу с Мариной. Я стоял перед зеркалом и с тоской смотрел на себя. О каких

мелочах, что испортили бы мой внешний вид, я мог вчера только думать?! Проблема была куда более фундаментальной.

– Дарен, если сильно болтаются, ты двое носков надень.

В словах Андрея не было ни издевки, ни сарказма, он действительно считал это решением проблемы. Оттого и я не злился на него.

– Спасибо, Андрей, ты меня и так уже выручил.

Он улыбнулся.

– Да ты не дрейфь! Ты отличный мужик, а это главное! Ну ладно, удачи, я на работу! Бригадир, зверюга, как ты ушел, стал следить за нами, проходу не дает. Эта скотина даже с утра объяснительную требует, если на пять минут опоздаешь. Так что я побежал, мне без работы никак нельзя. Не все же такие везунчики, как ты, да еще и красавчики, – он подмигнул мне и вышел за дверь.

Еще с минуту я стоял перед зеркалом, будто бы от этого что-то изменится в моем внешнем виде. Но изменилось что-то внутри – я смирился. Делать было нечего. Оттого я переоделся в рабочий комбинезон, аккуратно сложил остальные вещи в тот же пакет, в котором вечером все это притащил, и пошел на работу.

В офисе день был довольно спокойный, и мне никак не выпадало повода навеститься к Марине. Признаться, я трусил подходить без причины, боялся показать, как этот обед много значит для меня. Казалось бы, такая мелочь, а я из кожи вон лезу. Часы неумолимо отсчитывали время, а я все никак не решался. За тридцать минут до обеда в каморку влетел Николай, мой напарник, и, грозно расшвыривая стулья, плюхнулся рядом со мной.

– Вот черт, вот только соберешься на обед, так сразу работа находится! Ей-богу, они это нарочно! У них это, наверное, что-то вроде игры «доведи соседа».

– Не поминай имя...

– Заткнись, Дарен, вот только не надо сейчас этой своей религиозной хрени!

– Да, – многозначительно кивнул я в ответ, и тут же в голову пришла мысль: – А хочешь, я за тебя сделаю? Мне нетрудно.

Николай подозрительно посмотрел на меня.

– Ну, даже не знаю, чтобы ты сделал за меня работу, в то время как я спокойно развалился бы в кресле, включил запись вчерашнего матча, открыл обед, что сложила мне теща, с моими любимыми тефтельками. Ты же знаешь, как я терпеть не могу ее стряпни! Право, даже не знаю, как решиться на такое. – Его лицо было необыкновенно серьезным, и я не понимал, где тут подвох и что именно из перечисленного его так настораживает.

– Ну, я могу еще пойти обедать один куда-нибудь и не мешать тебе все это время.

– Еще и физиономия твоя не будет портить мне пищеварение! Вот это уда... ужас, я хотел сказать. Ну да ладно, я готов на это пойти ради нашей с тобой дружбы! Но только вечером каморку убираешь ты, по рукам?

Я чувствовал явный подвох. Будь у меня чуть больше времени, я бы сразу все понял, но сейчас голова моя была занята совершенно другими мыслями, и я был готов на все. Ну, может, не на все, но на многое.

– Договорились.

– Вот и славно! Тебе чертовски повезло, Дарен, что у тебя есть такой друг и наставник, как я, который всегда готов пойти навстречу!

– Это уж точно! Спасибо, Коль.

Он явно не понимал, за что я его благодарил, и ухмыльнулся мне в ответ. Я выбежал из каморки.

– Эй, куда побежал! Наряд возьми, дурень, в смысле Дарен!

С работой я управился за несколько минут, принеси-подай-протри-унеси, ничего особенного, и сразу поспешил в приемную. Я совсем не удивился тому, что Алексей опять окола-

чивался возле девчонок и они решали, куда пойти на обед. У меня совсем не было времени на сомнения и нерешительность, поэтому я сразу подошел к Марине. Она, как обычно, сидела, увлеченно листая и перебирая бумажки. Видимо, это такой неписанный местный обычай, когда на новичка скидывают всю работу.

– Привет, Марина!

Она немного испугалась, когда я к ней обратился, до того она была увлечена.

– Привет, Дарен, – она улыбнулась мне.

– Ну что, с обедом все в силе? – я немного наклонился к ней и сбавил тон.

– Да, я умираю с голоду! А почему шепотом?

Я выпрямился и осмотрелся по сторонам, потом снова на нее.

– Ничего не шепотом. Ну так что, в двенадцать на проходной? Куда пойдём?

– Хорошо, я чего-нибудь придумаю.

– Договорились! Ну, я пошел собираться. Пока, в смысле до встречи.

Черт, ну что ж я за олень-то такой! Это всего лишь обед!

– Ты что-то сказал, Дарен? – Марина окликнула меня.

– Нет-нет, я говорю, очень, очень хорошо. Ну так в двенадцать?

– Да.

– Славно.

Я отвернулся, вложил руки в карманы и поспешил прочь, пока еще чего-нибудь не ляпнул.

Я напугал Николая, внезапно ворвавшись в каморку, и тот чуть было не выронил тарелку с тефтельками.

– Твою ж...

– Прости-прости, я только на секунду.

У него был набит рот, так что от первой фразы во все стороны полетели ошметки еды. Я успел схватить пакет с вещами и выскочить, пока он не прожевал и не продолжил свое возмущение в привычной для него форме. Николай, силой проталкивая кусок по своей глотке, морщился, краснел и уже вслед зарядил мне пару напутственных проклятий. Но я его уже не слышал.

Я быстро переоделся в туалете и вышел из офиса. На проходной уже ждала Марина. Сделав невозмутимый вид и, как я полагал, придав тем самым себе немного уверенности, я подошел к ней.

– Ну что, куда пойдём?

– Дарен? – Она быстро осмотрела меня, но осеклась, видимо посчитав это неуважительным, потом посмотрела в сторону выхода, куда уже смотрел и я.

– Мне коллеги посоветовали одно место, сказали, что там вкусно и недорого.

– Славно, пойдём туда!

Мне хотелось скорее покинуть офис.

Место называлось «Piasegгі», и находилось оно в паре кварталов от офиса. Если честно, то я бы забрался еще дальше, чтобы ненароком не встретить кого. Нас посадили за столик, дали меню и несколько минут на размышление. Я совершенно не разбирался в итальянской кухне, собственно, я ни в какой не разбирался, но в итальянской в особенности, поэтому взял первое, что было по списку. К моменту, как нам принесли салат, мы не проронили ни слова. Я совершенно не представлял, о чем нужно говорить и с чего начать. Поэтому для меня было спасением, что молчание нарушила Марина.

– Я слышала, что ты недавно работаешь в этой компании, – она улыбнулась.

– Да, еще и месяца не прошло.

– Если честно, то это забавно, что мы устроились сюда в один день.

– Да, это необычно.

– Тебе нравится здесь работать, Дарен?

– Да, работа не пыльная, мне нравится.

– Ничего себе не пыльная! Ты столько всего делаешь! Ты целый день ходишь и всем помогаешь! А помогать кому-то – это здорово!

В ее тоне было и возмущение, и ликование. Меня умиляло, как она при этом строго хмурила бровки, а через секунду расплывалась в улыбке.

– А тебе здесь нравится? Не прям здесь, а, в смысле, работать у нас.

– О да! Здесь столько всего интересного! Не то что у нас в городке, на работу можно устроиться только продавцом! – Ее лицо снова поменялось, и сейчас в нем было немного тоски и разочарования.

– Так ты не отсюда родом?

– О, нет, я приехала из Воронежа. Вернее, сбежала оттуда.

– Как это сбежала?

– А вот так, взяла и сбежала! Бросила институт и сбежала!

– А как же твои родные?

– А что родные? У них своя жизнь, у меня теперь своя! Кому сдался этот пищевой институт?

– Пищевой?

Я не знал, что такие бывают.

– Да-да, пищевой! Я же говорю, либо кухаркой, либо продавцом – завидная карьера! Вот я и бросила его.

– Кого его?

– Институт!

– Ах да, прости, пожалуйста.

Я смотрел в эти полные борьбы и устремлений глаза, но не мог понять, что могло побудить ее бросить свою семью.

– И вот я здесь, встречай, Москва! Я поступила в колледж на вечернее экономистом и устроилась на работу. Это мое первое место, а я уже зарабатываю больше, чем моя мама!

– Мама...

– Да, мама и папа, вместе взятые. Вот выучусь, еще им помогать стану. Такой у меня план.

– Чудесный план, – согласился я.

И все же меня не покидала мысль, что у этой хрупкой девчушки столько сил и смелости, которые позволили ей бросить родной дом и отправиться навстречу своей судьбе.

– А ты откуда приехал, Дарен?

– Я?

– Ну да, или ты из Москвы? – она ехидно улыбнулась.

– В общем-то, можно сказать, что я из Москвы.

Ее улыбка сошла на нет, и на лице появилось удивление.

Конечно же, я не знал, где я родился, но в свидетельстве записали именно Москву.

– Так ты у нас москвич! Столичный парень! Вот это везунчик!

– Видимо, так и есть, ты уже второй человек, кто меня так называет за сегодняшний день. Везунчиком.

– А где ты живешь?

– Да, собственно, тут недалеко.

– Ничего себе, еще и квартира в центре города! – Она с одобрением и нескрываемой завистью смотрела на меня.

– Да я не один живу.

– А, с родителями, значит.

Марина была чудом перевоплощения. Ее лицо меняло выражение с каждой фразой, и порой так кардинально, что ты не мог понять, что в действительности было у нее на уме. Сейчас ее лицо приняло выражение некоего презрения или снисхождения. Мне сложно было разобрать, так как я ее совсем плохо знал. Хотя это зависит от того, с чем сравнивать. На данный момент я о ней знал даже больше, чем о самом себе.

– Нет, я живу с друзьями, вернее, с бывшими коллегами.

Я нарочно избегал темы родителей, меньше всего мне хотелось рассказывать ей, что я из приюта. Репутация среди нашего брата водится не лучшая. А я хотел произвести хорошее впечатление на Марину.

– Эм, так это хорошо, вместе веселее!

– Да, бывает и весело. – Я улыбнулся ей в ответ.

– Эх, повезло же тебе родиться в Москве! Я прям завидую тебе! Да что там я, вся остальная Россия завидует вам. Подумать только! Столица! Все сюда стремятся приехать, а вы уже тут, у вас все схвачено. Нет, ты не подумай, я это не со злостью! Я только рада, что у тебя все хорошо. Снимаешь квартиру в центре города, в двух шагах от работы, родители рядом, если что, помогут.

Меня совсем не задевали ее непроизвольные нападки, в ней говорила зависть и обида, хоть тут и нечему было завидовать. Но осознание этого придавало ей сил, возвышало ее в своих же глазах и не давало упасть духом. Видимо, схожие чувства испытывал каждый, приехавший покорять этот огромный город.

– Всегда можно вернуться в родной дом, обнять маму с папой! Они тебя накормят твоими любимыми варениками со сметаной.

Когда Марина говорила о родителях, ее взгляд, как и ее душа, устремились в тот самый дом. Глаза ее смотрели куда-то мимо, и в них появился едва заметный блеск. Я твердо решил не рассказывать ей о своей семье, а постараться уйти от этой темы, и начал прикидывать варианты, о чем завести разговор.

– А все-таки хорошо жить с родителями под боком! Расскажи о них, Дарен. Ты часто к ним едешь? – Марина приободрилась и приготовилась к интересному рассказу. Я минуту сидел молча, все еще перебирая варианты, и, дабы не смущать Марину, сунул в рот кусок побольше, чтобы выиграть время.

– Они умерли, когда я был еще ребенком, автокатастрофа, я их совсем не помню, – отчеканил я, попытавшись скопировать тот же взгляд, что я только что видел у нее.

– О, прости меня, я...

– Все хорошо, ты тут ни при чем. Ну, если только это не ты была тем пьяным водителем двадцать лет назад. – Я посмотрел на нее и выдал из себя улыбку. По-моему, получилось совсем натурально. Марина страшно смутилась, но улыбнулась в ответ.

Тем временем нам принесли второе, и мы в полной тишине сидели, кушали, изредка посматривая друг другу в тарелки в попытках найти там тему для разговора и нарушить повисшее молчание. Марина стала смотреть по сторонам, и я тоже решил поддаться этому невинному развлечению. За соседним столиком, позади меня, уселись наши коллеги. Алексей встретился со мной взглядом, потом наклонился к девчонкам и что-то шепнул, после чего те закатились в истерическом припадке. Одна девушка махала рукой, словно от его шутки дурно пахло, но все же продолжала смеяться. Вторая явно смутилась, но тоже широко улыбалась, не в силах скрыть своего веселья. Алексей хитрым взглядом косился в мою сторону, а потом помахал мне рукой в знак приветствия. Я кивнул ему в ответ. Все же он был мил и приветлив со мной. Повернувшись к Марине, я заметил, что она была немного смущена, и подумал, что скорее нужно разбавить неловкую паузу. Краем уха я слышал громкие и веселые разговоры наших коллег. Им всегда было о чем поговорить.

– А чем ты увлекаешься, Дарен? – Видимо, Марина тоже подслушала разговор за соседним столиком.

– Увлекаюсь в смысле?

– Ну да, у тебя есть хобби?

– Даже не знаю, видимо, нет, а ты?

Марина не стала заострять внимание на том, что у меня нет хобби, и спешила рассказать о себе.

– О, я много чем увлекаюсь! Порой даже не знаю, как на все это только находится время! Сейчас я увлекаюсь танцами, ну так, не профессионально, конечно, я не могу пока пойти в какую-нибудь школу, поэтому танцую дома! Но я обязательно заработаю денег и пойду в лучшую школу танцев! А еще я люблю рисовать, бывает, так засижусь, задумаюсь, а в руках карандаш, и сижу себе, рисую, что в голову придет. Еще я очень люблю читать, но меня не всегда надолго хватает, большие книжки мне быстро наскучивают! Другое дело, короткие любовные романы или детективы. А еще я люблю собирать пазлы. Знаешь, что это?

Я покачал головой.

– Это такие картинки, разрезанные на много маленьких кусочков, и тебе нужно их собрать. Очень интересно! А еще в детстве я увлекалась вышивкой, мама говорила, что у меня очень хорошо получалось, но я уже больше этим не занимаюсь. А еще...

Она все продолжала говорить, а я все слушал, глядя в ее полные жизни глаза, и думал: «Зачем? Зачем она все это мне рассказывает?!» И не находил ответа, и чем ответить ей, тоже не знал. Я чувствовал непреодолимую пропасть между нами и силился представить, какое хобби могло бы заполнить ее или хотя бы соорудить небольшой мостик между нашими мирами.

После провального свидания я долго не мог прийти в себя. Еще больше замкнулся и ни с кем не общался. Но в чем-то Марина была права, хоть и сама этого не сказала напрямую. Ее поступок говорил громче тысячи слов: «Я чудик». Действительно, я не совсем «нормальный» человек. Что ж, такова моя судьба, жизнь сделала меня тем, кем я был сейчас. Но это не значит, что я всегда буду таким. Я могу все изменить, и то, где я сейчас находился и чего уже добился, подтверждало мои убеждения. Я сам могу измениться, стать нормальным, ну или хоть немного похожим на нормального человека.

Несомненно, в моем маленьком мире произошли большие изменения. И самое большое было связано с моим переездом. Я не стал пользоваться гостеприимством и злоупотреблять добрым отношением ко мне моего старого работодателя и уже по истечении первого месяца поменял квартиру. Конечно же, я не смог бы этого сделать без посторонней помощи, и она, как всегда, пришла с неожиданной стороны. Сестра Олеси, моей благодетельницы, была риелтором, и у нее простаивала одна квартира в этом же районе. Квартира была двухкомнатной, но скромной по содержанию и даже убогой по местоположению, но мне это как раз не мешало. Она находилась в старом шестиэтажном здании на первой линии железнодорожных путей. Ремонт в ней делали еще при Сталине, и звукоизоляция была соответствующей. Но мне было не привыкать к грохоту стальных колес локомотивов. Так что мы нашли друг друга. Квартира хоть и была, по самым сдержанным оценкам, скромной, и то была мне не совсем по карману. Но и тут моя благодетельница поручилась за меня, и я вселился без первоначального взноса. А сестра ее тем временем обещала подыскать мне сожителя.

Проводы на старой квартире были весьма скромными. Андрей с Сергеем, видимо, даже не поняли, за что они пили, и быстро замкнулись в своей тесной нерушимой компании, запевая былые военные песни. Холбек приготовил свой фирменный плов и даже по такому случаю пригубил немного водки, но дальше мы с ним перешли на чай, и до самого утра он рассказывал мне о своем родном крае. Он рассказывал о своем селе Яккатут, откуда были родом его родители, но сам он юношеские годы провел в Ташкенте. Проведенное в поселке детство он

вспоминал с особенной теплотой, хоть и сетовал на трудную жизнь в горах. Служба в армии по счастливой случайности забросила его недалеко от родного села, в пограничную с Киргизией зону, где он в последний раз видел всю красоту родных горных вершин. Он рассказывал о необыкновенно чистых горных озерах и особое место отвел Верхнему Коксуйскому озеру, с которым так и не успел попрощаться. Он купался в нем еще мальчишкой со своими друзьями, наперебой пытаясь заглушить радостный детский смех, эхом тонувший в бесконечной гряде горных хребтов. Кристальные синие воды озера зачаровывали его, когда он был ребенком и когда последний раз видел его, проходя по перевалу с отрядом бойцов в сторону границы. И сейчас он, как зачарованный, вспоминал ту тишину и безмятежность горного озера, которых так не хватало в этой суматошной Москве.

Как же странно все это, подумалось мне тогда. Люди покидают так горячо любимые края, столь близких им людей и здесь, за много тысяч километров, изливают тоску совершеннейшим незнакомцам в столь ненавистном их душе месте. Я не понимал, что мешает им взять свою тоску, упаковать в чемоданы вместе с нескончаемой любовью, их патриотизмом и пловом, отправиться домой, к любимой семье и детям, своим стареющим отцам и матерям, и быть счастливыми. У всех у них был свой дом, который они покинули, а я все силился понять, где же он, мой дом, что не по своей воле покинул я. Но все же я тосковал много сильнее, оттого что и тосковать, по сути, было не о чем и не о ком.

Глава 4

Перебравшись в новую квартиру, я первым делом прибрался и расставил все по своему вкусу. Но убрав весь мусор, я увидел пустоту, окружавшую меня. Все эти вещи принадлежали кому-то до меня. Вот тот мусор, что я сгреб в мешок, был чьей-то собственностью. А моего здесь ничего не было, даже комбинезон – и тот был рабочим. Только избавившись от всего чужого и лишнего, что окружало меня на прежнем месте, я понял, что моего-то, собственно, здесь ничего и не было. Я бездумно жил в чужом мире, окруженный чужими вещами, и притворялся, что я такой же нормальный человек, как они. Я жил в их тени, их мечтаниями, их проблемами, их привычками и их недостатками. А сейчас не осталось ничего. Я глядел на пустую квартиру, голые стены, пошарпанный пол и заклеенное окно. Я сел посреди комнаты и погрузился в свои мрачные мысли. И даже думал о том, чтобы вернуться на старую квартиру, убежать от этой неизвестной и пугающей действительности, в которой оказался наедине с самим собой. С улицы донесся грохот проезжавшего поезда, и стекло, болтаясь в раме, противно заскрежетало на месте раскола. Я посмотрел на улицу, перед глазами промелькнул весь путь, который я прошел, чтобы оказаться здесь, и понял, что вернуться в старую квартиру будет не просто шагом назад, а настоящим бегством, а я не хотел отступать. Вздохнув, я поднялся с пола и еще раз огляделся по сторонам.

– Может, стены покрасить в какой-нибудь светлый тон, чтоб не так мрачно было? Надо будет поспрашивать, может, на работе будет пара лишних банок.

Все же квартира была слишком большой для меня одного. Никогда прежде у меня не было столько свободного места в распоряжении, и я терялся в мыслях, чем бы его заполнить. Вспомнился разговор Алексея и девушек за соседним столом. Они очень живо рассказывали о своих увлечениях, о своем хобби. Я подумал, что, может, мне тоже поискать хобби? Может, это хоть сколько-нибудь сделает меня нормальным и займет пару углов в квартире?

Я долго думал и прикидывал, чем же мне увлечь себя в свободное время, но все в конечном итоге упиралось в деньги. Я не мог позволить себе ничего из того, чем увлекались мои коллеги. И даже думал о своих соседях: их хобби, видимо, был алкоголь, и они самозабвенно и в беспамятстве придавались своему увлечению каждый божий день. И каждый новый день в их окружении становился все более тягостным. Вот это выдержка, вот это стремление, вот это преданность делу!

В Измайлово работал развал, блошинный рынок. Я слышал о нем не раз и знал, что там можно было найти много всего интересного по совершенно низким ценам. Я отправился туда в надежде найти что-нибудь, отвечающее общепринятому негласному понятию «нормальность» и моему скромному бюджету.

Несколько часов я безрезультатно бродил по рядам, вглядываясь в каждую мелочь. Мое внимание привлекла одна лавка, над которой висела табличка «Все по сто» и беспорядочно усыпанная всяким хламом. Чего там только не было: от старого утюга до выцветшей открытки советской эпохи. Я смотрел на обмотанный вокруг деревяшки моток лески и силился представить себя рыболовом. Я стоял на берегу, держа в руках удочку. На воде безмятежно качался самодельный поплавок. Вот он начал слегка уходить под воду, все чаще и глубже, я подсекаю, но улов срывается, и я с размаху забрасываю грузило на стоящую по соседству плакучую иву. Леска сильно замоталась, и я битый час пытаюсь распутать этот хитросплетенный комок, так похожий сейчас на мою жизнь. На голову капает редкий, но холодный дождь. Я смотрю, как по воде разбегаются от капель круги, и понимаю, что улова сегодня не видать, даже если мне удастся справиться с этим макраме. Я вглядываюсь в толщу воды, смотрю в отражение

и не узнаю человека, что пристально смотрит на меня из глубины темной воды. Нет, рыбалка не мое.

Я протягиваю руку и беру небольшой металлический кругляшок, который когда-то был монетой. Безрезультатно тру по ее поверхности, пытаюсь разобрать год, а затем хотя бы просто понять, чьей стране она некогда служила. С трудом удается разобрать надпись, и я узнаю советский пяточок. Я начинаю думать, сколько он пролежал в земле, какая у него история, где его нашли и как ее вообще откопали. Видимо, использовали некий металлоискатель. Я представляю себя, ковыряющимся по локоть в грязи, смывающим глину с очередного кругляшка. По некоему совпадению опять идет дождь. И я вижу, что это тот же пяточок, или, может, это совсем другой – не могу их различить, они все как один. Я плюю на него, вытирая остатки глины (это небольшой ритуал), словно помечая его, теперь он принадлежит мне. Моя драгоценность! Я открываю небольшую кожаную сумку, висящую на поясе, и отправляю его внутрь. Он звонко ударяется о лежащие там монеты, советские пяточки, точно такие же, как и тот, что я только что потирал в руках, целая груда одинаковых безликих холодных кусков металла.

Я встал и пошел дальше по ряду, продолжая рассматривать весь этот хлам в поисках чего-то особенного. Вокруг толпились люди, перебирая, щупая, и гоняли продавца из конца в конец. Он метался как подорванный, стараясь уследить за каждым, чтобы ничего не свистнули.

На самом краю лавки я увидел нечто сильно выделяющееся из безликой массы. Это была кукла. Вся испачканная, платье в заплатках, волосы спутаны в один грязный комок, который некогда был прической. Вся лицо ее было в разводах, а под глазом черная капля, так что создавалось впечатление, будто она плачет черными слезами безысходности. Но что привлекло мое внимание – это глаза. Два крохотных стеклянных голубых глазика смотрели безжизненно перед собой, застывшие в нелепом удивлении. Я присел на корточки, так что наши глаза оказались на одном уровне, но она смотрела сквозь меня, в пустоту. Было в ней что-то трагичное, измученное, но несломленное. Где-то глубоко в ее взгляде читался огонь. Я был поражен этими стекляшками и тем, как художник-кукольник старался, рисуя эти глаза. Сама природа не смогла бы сделать лучше. Почему-то мне захотелось ее погладить, причесать, умыть, заботиться о ней. Я стал думать о том, как привожу ее в порядок, как стираю ее одежду, вычесываю прядь за прядью и как они теперь лоснятся в моих ладонях. Я сам не заметил, как рука потянулась к ней, и опомнился, когда увидел свои кривые пальцы у самого ее кукольного личика. Я смутился и замешкался на секунду, а потом вытер ту грязную каплю, что делала ее лицо столь печальным. Когда я убрал руку, мне показалось, что в ней что-то изменилось. Взгляд словно перефокусировался на меня и уже не был таким безжизненным. Мне даже показалось, что она улыбнулась мне, но потом я вспомнил, что просто еще не видел ее губ. Маленькие алые губки были крепко сжаты, и на них потрескалась краска, они словно открытые раны. «Мы это исправим», – почему-то проговорил я.

– Скажите, а сколько стоит кукла?

– Парень, у меня нет кукол, – бодро ответил продавец и тут же продолжил: – Но если вдруг найдешь, то она твоя за сто рублей. – Он указал пальцем на свою вывеску.

Я протянул деньги, а продавец даже не поглядел в мою сторону. Снова наклонившись, я вытянул обе руки и поднял куклу. Она была довольно большой, может сантиметров пятьдесят, но я все же несколько удивился ее весу. Возможно, то была совсем старая кукла, и внутри нее был металлический каркас. Но я недолго этому удивлялся, а скоро и вовсе позабыл. Но что меня поразило и окончательно убедило в правильности моего выбора, так это то, как она утонула в моих объятиях. Видимо, кукла была очень искусная и когда-то, может, очень дорогая. Ее руки так нежно прикоснулись ко мне, словно обняли, а головка аккуратно легла на плечо. Я, клянусь себе, даже почувствовал некоторое тепло, образовавшееся между нами, и был очень этому доволен, ведь все мое тело радовалось в тот момент.

Конечно же, мое неожиданное увлечение вряд ли можно было назвать хоть немного нормальным, но я тогда об этом не задумался. Мне все равно не с кем было этим делиться.

Прошла неделя, как я въехал в новую квартиру, мрачные мысли меня совсем покинули. Я нашел себе увлечение. Может, не в пору взрослому мужчине, но я чувствовал неумолимую тягу к проявлению заботы. Возможно, лишенный таковой в детстве, я стремился это компенсировать, но меньше всего мне хотелось сейчас думать об этом. Впервые в жизни я просыпался утром с мыслью не только о самом себе.

Всю неделю я заботился о своей кукле, купал ее, подобрал на развале для нее новую одежду. И даже усаживал ее за своим столом во время завтрака и за ужином. Страшно скучал на работе, пока ее не было рядом. Ее волосы, к сожалению, не оказались золотистыми, как я себе представлял, но это было уже неважно. Цвет ее глаз ничто не могло изменить. И с каждым днем мне казалось, что эти милые синие глазки все с большим теплом смотрят на меня.

Однажды днем на работе меня просто распирало. Мне так хотелось с кем-то этим поделиться, наконец-то с кем-нибудь непринужденно поболтать о своем увлечении. Я не решился рассказать все Николаю, так как не знал, как к такому хобби отнесется другой мужчина. Я сразу вспомнил о Марине и решил снова позвать ее на обед. В этот раз я не стал дожидаться повода, чтобы заглянуть к ней. Окрыленный своей идеей, не раздумывая, я отправился к приемной. Марина, как прежде, сидела, увлеченно перебирая бумаги. Я замешкался на секунду, раздумывая, как же все-таки к ней подойти, сказать сразу или в обед, и, едва решившись, сделал шаг в ее сторону.

– Марина, ты идешь или нет?! Сколько можно тебя ждать?! – со стороны лифтов раздался женский голос. Марина подняла голову и улыбнулась несколько растерянно.

– Может быть, Марине не нравится наша компания, девочки? Куда нам до Дарена с его церковно-приходской!

Я узнал голос Алексея и через секунду увидел его, стоящего между девушками. Как всегда, элегантен, в костюме какого-нибудь треклятого серого оттенка и обязательно со своей мерзкой ухмылкой.

– Да-да, уже иду. Да что вы такое говорите!

– А что, может, у вас там роман, а мы тут отвлекаем вас? Откуда нам знать?! – девушки хихикали.

– Тьфу на вас, скажете тоже.

– Ну все, пошли-пошли.

Они зашли в лифт, так и не заметив меня. Марина принялась прихорашиваться перед зеркалом на одной из стен. Двери начали закрываться. Я видел, как она поправляет помаду на губах, и перед тем как двери окончательно захлопнулись, наши глаза нашли друг друга в отражении.

Я не знаю, что вдруг поменялось в Марине, почему она стала меня избегать, но история была для меня совсем не нова. Такое много раз было еще в приюте, затем в армии, поэтому я не стал на этом сильно заикливаться. В любом случае это не умоляло той радости, которую я испытывал при мысли о том, что ждет меня дома, пусть я не мог этим ни с кем поделиться. Важны были только мои чувства и переживания, что я испытывал. Хотя, признаться, с того случая я стал как-то меньше времени уделять своей кукле. Какая-то необычная череда событий и воспоминаний приводила к неприятным ощущениям каждый раз, когда я смотрел на нее и думал о Марине. Казалось бы, ничего особенного между нами не произошло, ничего плохого я человеку не сделал, и все же это не помешало ей за моей спиной с такой легкостью втаптывать меня в грязь. Но я не держал на нее зла. Она была в новом враждебном мире, где найти общего врага было важнее, чем обрести своего друга.

Прошло еще несколько дней, и наступил тот самый долгожданный день моей первой зарплаты. Сумма была воистину фантастической – в три раза больше, чем я получал, работая на вокзале. Я был весьма скромен в своих запросах и привык обходиться малым, поэтому такая сумма вызвала у меня некий трепет одновременно со скукой. Мысль о том, что я теперь столько получаю, заставляла меня гордиться собой. Я мог много чего себе позволить, но, обходившись всю жизнь малым, я не мог себе признаться, что теперь вдруг захотел чего-то конкретного. Я мог сходить в кино, но что мне там делать одному? Какой в этом смысл? Я все могу посмотреть дома, а кинотеатры в большей степени созданы для свиданий. Кого я буду обнимать, сидя на заднем ряду? Кому я позволю отвести свой взгляд от страшной сцены, уткнувшись в мое плечо? Я мог пойти в кафе вместо столовой или даже в ресторан, попробовать каких-нибудь изысканных блюд. Но по сравнению с тем, чем я питаюсь, любое блюдо, приготовленное хотя бы в приближенных к санитарным условиям и содержащее, помимо соли, хотя бы одну приправу, уже было для меня изысканным. Да и с кем мне все это было разделить? С куклой? Вот была бы потеха! А какой прок от сидения в ресторане одному? Нет, мне решительно было все это неинтересно. Оттого и становилось скучно. Я настолько привык к жизни в строгом посту, что иного мне просто не было нужно. По крайней мере, не было ни одной предпосылки, чтобы это поменять. Мой обычный рацион включал в основном картофель, морковь и лук. Вы удивились бы, сколь много различных блюд можно приготовить всего из трех этих ингредиентов. Картофель был моим любимым, и тут я проявлял фантазию, насколько мог. Картофель жареный с луком, с грибами, просто с маслом, вареный в мундире или с укропом и маслом, пюре, конечно же, на молоке, иногда я добавлял в него сыр, иногда – всякие овощи и зелень вроде шпината, печеный картофель в различных вариациях от масла, сыра до розмарина и тмина. Но все же картофель всегда остается картофелем, как ни крути. Мяса я практически не ел, разве что мог позволить себе тушенку. Но она чаще всего представляла собой плавающие в растопленном жире еще большие куски жира, не говоря уж о разных находках внутри банки, о которых и вспоминать не хочется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.